

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СЕМЬ СМЕРТЕЙ ЭВЕЛИНЫ ХАРДКАСЛ»

СТЮАРТ
ТЁРТОН

ДЬЯВОЛ
И
ТЕМНАЯ
ВОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Стюарт Тёртон

Дьявол и темная вода

Серия «The Big Book»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65024636
С. Тёртон. Дьявол и темная вода: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“»; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-19548-6*

Аннотация

Впервые на русском – новейший роман Стюарта Тёртона, автора международного бестселлера «Семь смертей Эвелины Хардкасл», переведенного на 30 языков и удостоенного престижной премии *Costa* за лучший дебют. Если «Семь смертей Эвелины Хардкасл» называли «головоломной, и притом совершенно органичной смесью „Аббатства Даунтон“ и „Дня сурка“, Агаты Кристи и сериалов типа „Квантовый скачок“» (*Sunday Express*), то «Дьявол и темная вода» – это «блистательное скрещение Конан Дойла с Уильямом Голдингом» (Вэл Макдермид).

Итак, добро пожаловать в 1634 год. Галеоны Ост-Индской компании везут мускатный орех и черный перец, специи и шелка из Батавии в Амстердам. Путь с островов Тихого океана в Европу ведет вокруг Африки и занимает восемь месяцев. До Амстердама добирались не все: свою долю взимали свирепые шторма и

грозные пираты. И вот из Батавии готовится отплыть «Саардам». Среди пассажиров – генерал-губернатор Ян Хаан с семейством и любовницей; знаменитый «алхимический детектив» Сэмюэль Пипс, закованный в кандалы по неизвестному обвинению; его напарник лейтенант Арент Хейс. Знаки судьбы с самого начала складываются зловеще. На пристани прокаженный возглашает: «Груз „Саардама“ отмечен печатью греха, и всех осмелившихся подняться на борт ждет ужасная гибель» – и вспыхивает ярким пламенем. Когда на грот-мачте поднимают парус, все видят на белом полотнище нарисованное углем хвостатое око – символ демона, известного по имени Старый Том. И хотя в отплывшем из Батавии конвое было семь кораблей, в ночном океане периодически загорается восьмой фонарь. А когда на борту случается убийство, функции детектива, вместо заключенного в каморке Сэма по прозвищу Воробей, вынужден взять на себя Арент по прозвищу Медведь...

Содержание

Пролог	12
1	14
2	22
3	32
4	40
5	48
6	65
7	70
8	75
9	85
10	92
11	96
12	97
13	114
14	127
15	142
16	151
17	156
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Стюарт Тёртон

Дьявол и темная вода

Stuart Turton

The Devil and the Dark Water

Copyright © Stuart Turton, 2020

Endpapers art © Emily Faccini, 2020

© Е. В. Матвеева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Блистательное скрещение Конан Дойла с Уильямом Голдингом.

Вэл Макдермид

Новая книга Стюарта Тёртона, как и его дебютный бестселлер «Семь смертей Эвелины Хардкасл», изобилует головоломками; автор стремительно разворачивает перед читателем причудливый сюжет.

The Times

Захватывающая история о демонах, прокляженных и охотниках за ведьмами.

Irish Times Weekend

Тёртону вновь удалось создать совершенно неординарный, мультижанровый роман, расставляющий читателю ловушки в самых неожиданных местах и заставляющий трепетать от страха вплоть до эффектной и непредсказуемой развязки.

Financial Times

Немного от Холмса и Ватсона, чуть-чуть от «Острова соколовиц», но также много всего другого: жизнь женщины в XVII веке, маниакальная охота за ведьмами, а самое главное – запахи, звуки, суеверия, правда жизни на галеоне, зычные голоса матросов... Если в этом году вы сможете прочесть всего одну книгу, пусть это будет «Дьявол и темная вода».

Daily Mail

Стюарт Тёртон из тех авторов, в произведениях которых не три сюжетных линии, а тридцать три. Его дебютный бестселлер «Семь смертей Эвелины Хардкасл» подобен компьютерному квесту, где главный герой прыгает из тела в тело, а одну из главных героинь постоянно убивают. Новый же роман еще более невероятен, хотя в основу сюжета положи-

ны исторические факты, а именно кровавые события, происшедшие на одном из островов Тихого океана после кораблекрушения в XVII веке. Представьте Холмса и Ватсона во вселенной «Пиратов Карибского моря», добавьте демона, предлагающего героям фаустовский выбор, таинственное изобретение под названием Причуда, прокаженного, которому каким-то чудом удалось не сгореть в огне, и получите невероятное расследование.

Metro (London)

Во второй книге Стюарта Тёртона имеются демон, загадочное преступление и знаменитый сыщик-алхимик. Убийство в закрытой комнате напоминает сюжет фильма Майкла Бэя в декорациях «Острова сокровищ». Действие этого морского детектива с элементами фантастики разворачивается во время изнурительного восьмимесячного плавания из Батавии в Амстердам. Мир, созданный Тёртоном, увлекает с первых страниц, загадки и сюжетные повороты множатся, а когда наконец наступает сенсационное разоблачение, оказывается, что темная вода еще темнее, чем вы думали.

М. Джон Харрисон (The Guardian)

После сногсшибательного успеха «Семи смертей Эвелины Хардкасл» вторую книгу Тёртона ждали нетерпеливее, чем возобновления работы пабов. Новый роман-головоломка отличается от своего предшественника, но в то же время похож

на него искусными хитросплетениями сюжета, разобраться в которых было бы под силу только покойному профессору Стивену Хокингу.

Sunday Express

Вторая книга Стюарта Тёртона – необычайно захватывающий и увлекательный роман. В нем есть что-то от записок о Шерлоке Холмсе и произведений Уильяма Голдинга (или морских новелл Уильяма Хоупа Ходжсона), но к традиционным сюжетам он, несомненно, добавляет собственные оригинальные нотки. В нем есть тайна, загадочное убийство, головоломки и драки на ножах.

The Glasgow Herald

Это определенно лучшая книга из тех, что я прочла в этом году (а прочла я немало!). Первая книга Стюарта Тёртона «Семь смертей Эвелины Хардкасл» – мультижанровый, динамичный приключенческий роман, который держит читателя в неведении до самого конца. Слог автора все так же прекрасен, только на сей раз действие происходит в открытом море. Это полная хитросплетений история, тщательно продуманная и рассказанная с необычайной реалистичностью. Читается на одном дыхании.

Woman's Way

Выдающийся детектив... Любители головоломных кри-

минальных сюжетов, не пропустите!

Publishers Weekly

Морская сага о происках дьявола и нескончаемых кровавых заговорах.

Kirkus Reviews

«Дьявол и темная вода» – искусное сочетание загадочных персонажей, увлекательных исторических подробностей, опасностей и водоворотов судьбы, поджидающих героев в неизвестных водах, не говоря уже о демоне по имени Старый Том... Захватывающие дух приключения придутся по вкусу как любителям истории, так и поклонникам детективного жанра.

BookPage

В отличие от многих других детективов, я не советую читать эту книгу перед сном, но не из-за жутких сцен, а из-за того, что столь любовно сконструированный многогранный сюжет требует полного сосредоточения и внимания.

The Sunday Telegraph

Тёртон с огромным удовольствием погружает читателя в затаенное повествование, до последнего не раскрывая главной интриги: кто стоит за дьявольщиной, творящейся на «Саардаме», – человек или темные силы.

The Observer

«Дьявол и темная вода» – умопомрачительный, филигранный, красочный, умный роман, ломающий жанровые каноны, а его действующие лица на редкость великолепны. Просто чумовая книга!

Али Лэнд

Отменная стилизация под золотой век британского детектива в декорациях морских приключений.

Library Journal

Аде

Тебе два годика, ты спишь в своей кроватке. Ты такая чудная и часто нас смешишь.

К тому времени, когда ты прочитаешь эту книгу, ты станешь совсем другой.

Надеюсь, что мы по-прежнему будем близки. И что я хороший отец.

И совершаю не слишком много ошибок, а те, что уже совершил, ты простишь.

Ведь я делаю что-то совершенно мне незнакомое.

И очень стараюсь.

Люблю тебя, малышка.

Это – тебе. Кем бы ты ни стала.

Расположение зондоскоп кайот

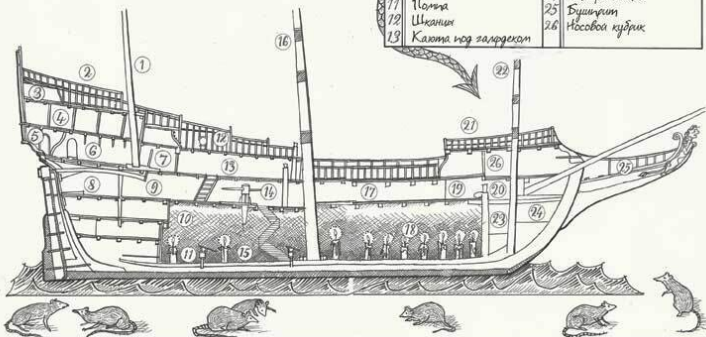
I Торговец Карелин Вое	V Сара Вессел
II Кайотин Агриян Кроуле	VI Вилонисса Дюльбен
III Ала Ян	VII Кресси Олен
IV Маркус и Осберт Плеттери	VIII Мистериозный Райнер ван Сакони

Кайоты

I	II	III	IV
V	VI	VII	VIII

«Сарафал» 1691 (По просьбе Вашей милости)

1 Бурла-матия	14 Кабестан
2 Юм	15 Трап
3 Хлеб	16 Трот-матия
4 Кайоты пассажиров (8)	17 Матросский кубрик
5 Кайота генерал-инженера	18 Трап
6 Кайот-хатини	19 Кайота Вика
7 Ружбное отделение	20 Кайота парусного мастера
8 Пороховой погреб	21 Бок
9 Пассажирский кубрик	22 Фок-матия
10 Трап	23 Парусная кладовая
11 Плотня	24 Камера Пизса
12 Шканы	25 Бушприт
13 Кайота под задрекан	26 Носовой кубрик

Пролог

В тысяча шестьсот тридцать четвертом году Объединенная Ост-Индская компания была богатейшим торговым предприятием с факториями по всей Азии и на мысе Доброй Надежды. Наибольшую прибыль приносила Батавия, откуда галеоны Компании везли мускатный орех, черный перец, специи и шелка в Амстердам.

Путешествие длилось восемь месяцев и изобиловало опасностями.

Карт океанов почти не было, навигационные приборы только начали появляться. Между Батавией и Амстердамом существовал лишь один известный морской путь, и отклонявшиеся от него корабли зачастую пропадали. Но и тем мореходам, которым удавалось держаться курса, грозили болезни, шторма и пираты.

Многие из тех, кто всходил на борт корабля в Батавии, не добирались до Амстердама.

Корабельный манифест и список членов команды «Саардама», составленный гофмейстером Корнелиусом Восом

Господа

Генерал-губернатор Ян Хаан, его супруга Сара Вессел и их дочь Лия Ян

Гофмейстер Корнелиус Вос
Капитан стражи Якоб Дрехт
Кресси Йенс и ее сыновья: Маркус и Осберт Пъетеры
Виконтесса Дилвахен

Пассажиры
Пастор Зандер Керш и его воспитанница Изабель
Лейтенант Арент Хейс

Командование «Саардама»
Мастер-негоциант Рейньер ван Схотен
Капитан Адриан Кроуэлс
Старший помощник капитана Исаак Ларм

Члены команды
Боцман Йоханнес Вик
Констебль Фредерик ван де Хейвель

Узник
Сэмюэль Пипс

Арент Хейс взвыл от боли, когда в его широкую спину ударил камень.

Второй просвистел возле уха, третий угодил в колено, и Арент пошатнулся. Безжалостная толпа заулюлюкала, кое-кто уже выискивал на земле новые метательные снаряды. Городской страже пока удавалось сдерживать натиск сотен людей, которые, брызжа слюной, выкрикивали проклятия и злобно сверкали глазами.

– Да спрячься ты, ради бога, – сквозь шум взмолился Сэмми Пипс, едва ковылявший по пыльной дороге в блестящих на солнце кандалах. – Им нужен я, а не ты.

Арент был вдвое выше и шире Пипса, да и почти всех мужчин в Батавии. Сам он был свободен от оков и заслонял щуплого друга от толпы, почти полностью лишив ее мишени.

Еще до ареста Сэмми их прозвали Медведь и Воробей. Сейчас эти прозвища казались как никогда уместными.

Пипса вели из каземата в гавань, где ждал корабль, отплывающий в Амстердам. Четверо мушкетеров, сопровождавшие узника, держались чуть поодаль, не желая заодно испытать на себе гнев толпы.

– Ты мне платишь за то, чтобы я тебя защищал, – буркнул Арент, вытирая со лба пот, смешанный с пылью, и прикидывая, далеко ли еще до укрытия. – Вот и буду защищать, пока

это в моих силах.

За огромными воротами в конце главной улицы раскинулся порт. Как только ворота за ними закроются, толпа их не достанет. Увы, но им приходилось плестись в самом хвосте длинной процессии, медленно ползущей по жаре. Казалось, ворота совсем не приблизились с полудня, когда процессия только покинула промозглую сырость каземата.

К ногам Арента упал камень, обдав башмаки пылью. Еще один отскочил от кандалов Сэмми. Торговцы продавали булыжники мешками и неплохо на этом зарабатывали.

– Чертова Батавия, – ругнулся Аренд. – Этим ублюдкам лишь бы карманы свои набить, не важно чем.

В обычный день вдоль улицы стояли бы пекари, портные, сапожники, плетельщики корзин и свечники с товаром. Люди бы улыбались, веселились и ругали страшную жару, но стоило вывести на потеху толпе узника в кандалах, как в самой кроткой душе проснулся дьявол.

– Они хотят моей крови, а не твоей. – Сэмми попытался оттеснить Арента в сторону. – Укройся где-нибудь, прошу тебя.

Аренд посмотрел на перепуганного друга. Руки беспомощно прижаты к груди. Темные кудри прилипли ко лбу, высокие скулы опухли и посинели от побоев. Карие глаза – обычно такие ироничные – широко распахнуты и полны отчаяния.

Даже несмотря на дурное обращение, Сэмми оставался

красавчиком.

Короткостриженный Аренд со сплюснутым носом составлял полную противоположность другу. Правое ухо ему порвали в драке, а несколько лет назад секли и промахнулись, о чем напоминал шрам, протянувшийся по подбородку и шее.

– Укроемся в гавани, – упрямо возразил Аренд. Ему пришлось почти кричать, потому как толпа разразилась радостными возгласами.

Во главе процессии на белом жеребце ехал генерал-губернатор Ян Хаан. На нем была кираса поверх дублета, на поясе позвякивала шпага.

Тринадцать лет назад он купил поселение, основанное здесь Объединенной Ост-Индской компанией. Стоило местным жителям подписать договор, как он сжег деревню, а на пепелище построил город с дорогами и каналами.

Теперь Батавия была самой прибыльной факторией, и Яна Хаана вызвали в Амстердам, чтобы включить его в загадочный Совет семнадцати, руководящий Компанией.

Белый жеребец трусил по улице, зеваки рыдали, ликовали, пытались коснуться ног генерал-губернатора. Они усыпали дорогу цветами и возносили хвалу правителю.

Тот оставался безучастным к происходящему и смотрел вперед, высоко подняв голову. Остроносый и лысый, он походил на ястреба, сидящего на загривке коня.

От него старались не отставать четыре запыхавшихся раба с позолоченным паланкином, в котором сидели жена и дочь

генерал-губернатора. Рядом, обмахиваясь веером, семенила служанка, раскрасневшаяся от жары.

Четыре мушкетера на подгибающихся от тяжести ног несли сундук с Причудой. Пот капал со лбов на руки, пальцы скользили. Мушкетеры часто оступались, и тогда в их глазах мелькал страх. Они знали, каким будет наказание, случись что с драгоценным грузом генерал-губернатора.

За ними нестройной толпой шли придворные лизоблюды, высокопоставленные чиновники, свита, сановники и приближенные; годами они плели интриги и теперь, несмотря на жару, с радостью наблюдали, как генерал-губернатор покидает Батавию.

Увлечшись наблюдением за происходящим, Арент чуть отошел от своего подопечного. В воздухе тут же просвистел камень и в кровь расцарапал щеку Сэмми. Толпа торжествующе завопила.

Вне себя от ярости, Арент подобрал камень и запустил его в обидчика. От удара в плечо тот упал. Толпа негодуя взревела, стража с трудом сдержала натиск.

– Метко, – одобрительно пробормотал Сэмми, уклоняясь от града камней.

К тому времени, когда они добрались до бухт, Арент прихрамывал и все его огромное тело болело. Сэмми был в синяках, но серьезно не пострадал. Но и он издал возглас облегчения, когда ворота распахнулись.

За ними тянулся лабиринт из ящиков, бухт канатов, со-

ставленных друг на друга бочек, корзин с кудахтающими курами. Свиньи и коровы скорбно глазели вокруг, пока громкоголосые рабочие укладывали грузы в колыхающиеся у причала челны, готовые плыть к семи галеонам, что стояли на якорях в сверкающей под солнцем гавани. Со свернутыми парусами и голыми мачтами корабли напоминали перевернутых дохлых жуков, но вскоре на каждом из них будет суетиться по триста с лишним пассажиров и матросов.

Пассажиры трясли кошельками у спящих от берега к кораблям челнов, протискивались вперед, когда выкликали название их корабля. Дети играли в прятки среди коробов, хватались за юбки матерей, а отцы вглядывались в небо, пытались найти хоть одно облачко на безбрежной синеве.

Пассажиры побогаче стояли в стороне, окруженные слугами и дорогой поклажей. Ворчали под зонтиками и безуспешно обмахивались; пот заливался за гофрированные воротники.

Процессия резко остановилась, ворота начали закрываться, приглушая рев беснующейся толпы.

Последние брошенные камни отскочили от корзин, и все закончилось.

Арент протяжно выдохнул и согнулся, упершись руками в колени. Пот с его лба стекал в пыль.

– Крепко тебе досталось? – спросил Сэмми, осматривая порез на щеке Арента.

– С похмелья маюсь, – проворчал Арент. – В остальном

все не так уж плохо.

– Мой саквояж достался надзирателю? – В голосе Сэмми послышался непритворный страх.

Сэмми обладал множеством талантов, в частности был искусным алхимиком; в том саквояже лежали настойки, порошки и эликсиры, которые он собственноручно изготовил для сыскной работы. Рецепты многих из них создавались годами из незаменимых ингредиентов.

– Нет, я успел забрать его из спальни до обыска, – ответил Аренд.

– Хорошо, – обрадовался Сэмми. – Там маленький пузырек с мазью. Зеленый. Мажь ссадины утром и вечером.

Аренд с отвращением наморщил нос:

– Это которая мочой воняет?

– Они все мочой воняют. Хорошая мазь по-другому пахнуть не может.

С пристани к ним шел мушкетер, выкрикивая имя Сэмми. Вислые поля старой шляпы с красным пером скрывали глаза. По плечам рассыпались спутанные русые волосы, пол-лица заросло бородой.

Аренд окинул его одобрительным взглядом.

Большинство мушкетеров в Батавии служили в придворной страже. Они лучились довольством, бодро отдавали честь и умели спать с открытыми глазами. Судя же по виду этого мушкетера, он был настоящим солдатом. Синий дублет пестрел застарелыми пятнами крови и не раз латанны-

ми дырами от пуль и уколов шпаги. Красные бриджи доходили до загорелых, волосатых голеней, испещренных укусами moskitov и шрамами. На перевязи позвякивали фляжки с порохом, мешочки с пулями и фитиль.

Подойдя к Аренту, мушкетер горделиво выставил вперед ногу.

– Лейтенант Хейс, я – капитан стражи Якоб Дрехт. – Он смахнул муху с лица. – Отвечаю за охрану семейства генерал-губернатора. В том числе и на борту корабля. – Дрехт обратился к сопровождающим его мушкетерам: – Живо в лодку! Генерал-губернатор распорядился, чтобы мистера Пипса разместили на борту «Саардама» раньше, чем...

– Слушайте! – раздался откуда-то сверху хриплый голос. Все подняли головы, шурясь от яркого солнца.

На груди ящиков стоял какой-то человек в сером рубище. Его руки и лицо скрывали окровавленные повязки, сквозь которые виднелись лишь глаза.

– Прокаженный, – с отвращением пробормотал Дрехт.

Арент невольно отступил назад. Его с детства учили опасаться этих отщепенцев, чье появление могло погубить целую деревню. Их кашель да даже легчайшее прикосновение рук сулили долгую, мучительную смерть.

– Убейте и сожгите его, – приказал генерал-губернатор. – В городе не место прокаженным.

Мушкетеры в смятении переглядывались. Человек стоял слишком высоко, пиками его было не достать, мушкеты уже

погрузили на «Саардам», а луков ни у кого не было.

Будто не замечая переполоха, прокаженный обвел толпу взглядом:

– Да будет вам известно, что мой господин плывет на борту «Саардама». – Блуждающий взгляд говорившего остановился на Аренте, из-за чего у того екнуло сердце. – Он повелитель всего тайного и скрытого, всех ужасных и темных сил. И, как того требует древний закон, он шлет вам предупреждение. Груз «Саардама» отмечен печатью греха, и всех осмелившихся подняться на борт ждет ужасная гибель. Этому кораблю не суждено доплыть до Амстердама. – Стоило прокаженному произнести последнее слово, как его лохмотья вспыхнули.

Он не издал ни звука. Пламя ползло все выше, пока не охватило его целиком.

Прокаженный не двигался.

И молча смотрел на Арента.

Будто внезапно осознав, что его пожирает пламя, прокаженный захлопал по одежде.

Потом пошатнулся и, не удержавшись, свалился с ящиков. Раздался тошнотворный звук удара тела о землю.

Арендт подхватил бочонок пива, на ходу открыл, подскочил к прокаженному и залил огонь.

Лохмотья зашипели, ноздри заполнил запах гари.

Корчась в агонии, прокаженный царапал пальцами землю. Его руки и лицо страшно обгорели. Только глаза оставались человеческими – голубые, с огромными зрачками, полные дикой боли.

Он открыл рот, но не издал ни звука.

– Не может быть, – пробормотал Арендт. Потом поглядел на Сэмми, который рвался из кандалов, пытаюсь разглядеть, что происходит, и прокричал сквозь всеобщий гвалт: – Язык отрезан!

– Пропустите, я целительница, – раздался властный голос.

К прокаженному шла знатная дама. Она сняла кружевной чепец и сунула его в руки Арендту. В крутых рыжих кудрях заблестели шпильки с драгоценными камнями. Чепец у Арендта тут же выхватила служанка, которая держала парасоль над головой хозяйки и уговаривала ее вернуться в паланкин.

Впопыхах дама сорвала полог с крючка и столкнула две большие шелковые подушки на землю. В паланкине сидела молодая девушка с овальным личиком и наблюдала за происходящим. У нее были черные волосы и темные глаза – точь-в-точь как у генерал-губернатора, который неподвижно восседал на коне и с неодобрением взирал на жену.

– Мама! – позвала девушка.

– Минутку, Лия, – ответила дама. Она опустилась на колени возле прокаженного, не замечая, что складки ее коричневого платья волочатся по рыбьей требухе. – Я постараюсь вам помочь, – мягко сказала она страдальцу. – Доротея?

– Да, госпожа, – ответила служанка.

– Мой эликсир, пожалуйста.

Служанка достала из рукава маленький пузырек, вынула из него пробку и протянула даме.

– Это облегчит боль, – сказала та прокаженному, переворачивая пузырек над его разинутым ртом.

– Одежды прокаженного нельзя касаться, – предупредил Арент, когда пышные рукава дамы прошелестели в опасной близости от пациента.

– Я знаю, – бросила она, наблюдая за каплей, собиравшейся на ободке пузырька. – Вы ведь лейтенант Хейс?

– Можно Арент.

– Арент. – Она медленно повторила имя, будто пробуя его на вкус. – Я – Сара Вессел. – Затем добавила, передразнив его сухой ответ: – Можно Сара.

Она слегка встряхнула пузырек, направляя каплю в рот прокаженному. Тот проглотил ее с усилием, содрогнулся всем телом и затих. Корчи прекратились, а взгляд утратил осмысленность.

– Вы супруга генерал-губернатора? – с недоверием спросил Арент.

Большинство знатных дам не покинули бы паланкин, даже если бы он загорелся, не говоря уже о том, чтобы помочь незнакомцу.

– А вы – слуга Сэмюэля Пипса, – огрызнулась она в ответ.

– Я... – Арент замялся, неправильно истолковав раздражение в ее голосе. Не понимая, чем он ее обидел, он сменил тему: – Что вы ему дали?

– Болеутоляющее, – ответила Сара, закупоривая пузырек. – Из местных трав. Сама время от времени принимаю. Помогает уснуть.

– Можем мы что-нибудь для него сделать, госпожа? – спросила служанка, взяв пузырек у Сары и спрятав его в рукав. – Принести вашу шкатулку с лекарствами?

«Только дурак попытался бы его вылечить», – подумал Арент.

На войне он усвоил, без каких конечностей жить можно, а какие раны будут мучить страшной болью по ночам и в итоге тихо убьют за год. Прокаженный и так был весь в гниющих язвах, а уж от ожогов не будет знать покоя. При непрерывном уходе он протянет еще день или неделю, но такая жизнь

не стоит заплаченной за нее цены.

– Нет, спасибо, Доротея, – ответила Сара. – Вряд ли они понадобятся.

Поднявшись на ноги, Сара жестом отозвала Арента в сторону.

– Тут ничего нельзя сделать, – тихо сказала она. – Только проявить милосердие. Не могли бы вы... – Она сглотнула, явно не решаясь задать вопрос. – Вам случалось забирать чью-то жизнь?

Арент кивнул.

– Можете сделать это так, чтобы он не страдал?

Арент снова кивнул, и наградой ему была благодарная улыбка.

– Сожалею, но у меня самой храбрости не хватит, – сказала Сара.

Арент прошел сквозь толпу перешептывающихся зевак и указал мушкетеру, охранявшему Сэмми, на его шпагу. Замерев от ужаса, юный солдат безропотно вынул ее из ножен.

– Арент, – обратился Сэмми к лучшему другу, – ты сказал, что у прокаженного нет языка?

– Отрезали, – подтвердил Арент. – И давно.

– Приведи ко мне Сару Вессел, когда закончишь, – попросил Сэмми с беспокойством. – Такое нельзя оставлять без внимания.

Арент вернулся со шпагой, Сара опустилась на колени перед обреченным и, забывшись, чуть не взяла его за руку.

– Я не смогу вылечить вас, – мягко призналась она. – Но могу навсегда избавить от страданий, если хотите.

Изо рта прокаженного вырывались стоны. На его глазах выступили слезы, он кивнул.

– Я буду рядом. – Сара оглянулась на девушку, наблюдавшую за ними из паланкина, и протянула к ней руку. – Лия, будь добра, подойди.

Лия вылезла из паланкина. Это была юная девушка лет двенадцати-тринадцати с по-отрочески длинными руками и ногами. Детское платье сидело на ней несуразно, будто не сброшенная вовремя кожа.

Толпа встретила ее появление тихими возгласами и придвинулась ближе. Аренд оказался среди любопытных зевак. В отличие от матери, ежевечерне посещавшей церковь, Лию редко видели за пределами форта. Ходили слухи, что отец стыдится ее, потому и прячет, но, глядя на Лию, нерешительно идущую к прокаженному, Аренд терялся в догадках, с чего бы отцу ее стыдиться.

Симпатичная девочка, разве что кожа необычно бледного оттенка, будто сотканная из лунного света.

Лия подошла к Саре, и та бросила нервный взгляд на мужа. Тот замер в седле, только чуть двигал челюстью. Аренд знал, что это максимальное проявление гнева, которое генерал-губернатор может позволить себе на публике. По тому, как кривилось его лицо, было ясно, что ему хотелось немедленно вернуть жену и дочь в паланкин, но бич власти – невоз-

возможность признать, что ты ее упустил, пусть и ненадолго.

Лия подошла к матери, и Сара ободряюще сжала ее руку.

– Этому человеку очень-очень больно, – тихо сказала она. – Он страдает, и лейтенант Хейс избавит его от мучений. Ты ведь понимаешь?

Глаза девочки расширились, но она лишь кивнула и кротко ответила:

– Да, мама.

– Хорошо, – сказала Сара. – Ему очень страшно, и в такой момент нельзя оставлять его одного. Мы постоим здесь и будем смелыми, чтобы его поддержать. Не отворачивайся.

Прокаженный с трудом нащупал на шее амулет – маленькую обожженную деревяшку с неровными краями. Положил его себе на грудь и закрыл глаза.

– Как только будете готовы, – сказала Сара Аренту, и тот пронзил мечом сердце прокаженного.

Страдалец выгнулся дугой и застыл. Потом обмяк, под ним собиралась лужа крови. Она блестела на солнце, и в ней отражались три человеческие фигуры, стоящие над бездыханным телом.

Девочка крепко сжала руку матери, но не потеряла самообладания.

– Молодец, милая. – Сара погладила ее по нежной щеке. – Это было тяжело, но ты вела себя очень смело.

Арент вытер меч о мешок овса, а Сара вынула из прически одну из драгоценных шпилек; освобожденный рыжий локон

упал на плечи.

– За труды, – сказала она, отдавая Аренту шпильку.

– Доброта не покупается, – ответил он, оставив шпильку сверкать на ее ладони, и вернул меч гвардейцу.

На лице Сары отразились удивление и смущение, взгляд ее задержался на Аренте. Спohватившись, что не годится просто стоять и разглядывать его, она торопливо подозвала двух грузчиков, которые сидели на куче рваной парусины.

Они подскочили как ужаленные и пригладили волосы.

– Продайте это, тело сожгите, а прах похороните по христианскому обычаю, – велела Сара, вложив шпильку в мозолистую ладонь грузчика. – Пусть обретет покой, которого он был лишен при жизни.

Грузчики хитро переглянулись.

– Вам этого камня хватит и заплатить за похороны, и на то, чтобы целый год предаваться вашим излюбленным порокам, так что я велю приглядеть за вами, – спокойно предупредила Сара. – Если тело этого несчастного окажется выброшенным за городские стены, вас повесят, ясно?

– Да, госпожа, – пробормотали грузчики, почтительно приподнимая шляпы.

– Можете уделить минутку Сэмми Пипсу? – окликнул ее Арендт, который стоял рядом с капитаном стражи Якобом Дрехтом.

Сара снова поглядела на мужа, очевидно прикидывая, насколько он зол. Арендт невольно ей посочувствовал. Ян Хаан

придирался даже к сервировке стола, наверняка ему невыносимо смотреть, как его жена бежит по грязи, словно нищенка за монетой.

Но он смотрел не на нее. А на Арента.

– Лия, вернись, пожалуйста, в паланкин, – сказала Сара.

– Но, мама, – тихо запротестовала Лия. – Это же Сэмюэль Пипс.

– Да, – подтвердила Сара.

– Тот самый Пипс!

– Действительно.

– Воробей!

– Уверена, он в восторге от этого прозвища, – сухо ответила Сара.

– Ты могла бы представить меня ему.

– Вряд ли он одет для светского раута, Лия.

– Мама...

– На сегодня достаточно прокаженного, – сказала Сара тоном, не терпящим возражений, и кивком подозвала Доротею.

Судя по движению губ, Лия снова собиралась возразить, но служанка мягко взяла ее за руку.

Толпа расступилась, пропуская Сару к узнику, который одергивал свой запачканный дублет.

– Ваша слава гремит повсюду, мистер Пипс. – Сара присела в реверансе.

После пережитых унижений Сэмми опешил от компли-

мента и вместо заготовленного приветствия поклонился, но с кандалами получилось неуклюже.

– Вы желали поговорить со мной? – спросила Сара.

– Задержите отплытие «Саардама», умоляю, – ответил Пипс. – Отнеситесь серьезно к словам прокаженного.

– Мне он показался безумцем, – удивилась Сара.

– Он и был безумцем, – согласился Сэмми. – Но умудрился заговорить без языка и забраться на ящики с изувеченной ногой.

– Что языка нет, я заметила, а что с ногой что-то не так – нет. – Сара поглядела на тело. – Вы уверены?

– Он обгорел, но увечье видно даже под повязками. Он без клюки далеко бы не ушел, а уж забраться на ящики без помощи вовсе бы не смог.

– Вы думаете, он действовал не один?

– Да. А кроме этого, есть и еще один повод для беспокойства.

– Ну разумеется, – вздохнула Сара. – Беда не приходит одна.

– Видите его руки? – продолжал Сэмми, не обращая внимания на ее замечание. – Одна очень сильно обожжена, а вторая почти не тронута огнем. Если приглядеться, станет видно синяк под ногтем большого пальца и то, что палец был сломан в трех местах, из-за чего искривился. Обычно такое случается с плотниками, особенно с корабельными, которым приходится работать на качающейся палубе. И ноги у него

кривые, что тоже характерно для корабельного люда.

– Думаешь, он был плотником на одном из кораблей флотилии? – вмешался Арент, глядя на семь галеонов в порту.

– Не знаю, – ответил Сэмми. – Каждый плотник в Батавии, скорее всего, когда-то успел поработать на корабле. Если бы я осмотрел тело, то выразился бы определеннее...

– Мой муж ни за что не освободит вас, мистер Пипс, – резко ответила Сара. – Если в этом состоит ваша просьба.

– Нет, не в этом, – ответил Сэмми; его щеки запылали. – Мне знаком нрав вашего мужа, и я знаю, что меня он не послушает. Но возможно, слушает вас.

Сара нерешительно переступила с ноги на ногу, глядя на гавань. В воде играли дельфины. Они подпрыгивали и изгибались в воздухе, а потом снова исчезали под водой, оставив на ней лишь легкую рябь.

– Прошу вас, госпожа, убедите мужа отложить отплытие, пока Арент расследует дело.

Арент вздрогнул. В последний раз он вел расследование три года назад. И с тех пор этим не занимался. Его задачей было защитить Сэмми и растоптать обидчика, на которого тот покажет пальцем.

– Вопросы – клинки, а ответы – щиты, – настаивал Сэмми, все еще глядя на Сару. – Так вооружитесь же, умоляю. Как только «Саардам» поднимет паруса, будет слишком поздно.

Под пламенеющим небом Батавии Сара Вессел вернулась в начало процессии, чувствуя на себе испепеляющие взгляды придворных, солдат и лакеев. Она шла мимо них как приго-воренная – выпрямив спину, но опустив глаза и сжав кулаки. От стыда пылали щеки, хотя окружающим казалось, что это от жары.

Почему-то она оглянулась на Арента. Его нетрудно было найти в толпе – ростом он на голову, а то и больше превос-ходил всех, кто стоял рядом. Сэмми заставил его осмотреть труп, и теперь Арент ворошил одежду прокаженного длин-ной палкой, на которой носили корзины.

Почувствовав, что на него смотрят, он поднял голову и встретился взглядом с Сарой. Та смутилась и снова опустила глаза.

Чертов жеребец фыркнул и сердито ударил копытом о землю. Сара никогда не ладила с этим зверем. В отличие от нее, тому нравилось подчиняться ее мужу.

Сара постаралась скрыть ехидную ухмылку, подходя к Яну. Он сидел спиной к ней и, склонив голову, о чем-то тихо беседовал с Корнелиусом Восом.

Вос был гофмейстером, главным советником ее мужа и одним из влиятельнейших людей в городе. Хотя по его виду никто бы так не сказал, ибо, несмотря на свое высокое поло-

жение, он не демонстрировал ни властности, ни деятельного пыла. Он был не высок и не низок, не толст и не худ, волосы неопределенного цвета обрамляли обветренное лицо, на котором примечательными были только блестящие зеленые глаза, всегда смотрящие куда-то мимо собеседника. Одежда его была поношенной, но не обтрепанной, а от всего облика веяло такой безысходностью, что цветы, наверное, увядали, когда он проходил мимо.

– Все мои личные вещи погрузили? – спросил генерал-губернатор, не обращая внимания на Сару.

– Мастер-негоциант проследил за этим, мой господин.

Они не прервали разговор и никак не обнаружили, что знают о ее присутствии. Муж терпеть не мог, когда его перебивают, а Вос служил ему достаточно долго, чтобы это усвоить.

– Все ли сделано, чтобы сохранить секретность? – спросил генерал-губернатор.

– Капитан стражи Дрехт лично проследил за этим. – Вос побарабанил пальцами по бокам, будто что-то подсчитывая. – А что со вторым важным грузом, мой господин? Могу я поинтересоваться, где вы собираетесь разместить Причуду?

– Моя каюта вполне подходит, – заявил генерал-губернатор.

– К сожалению, Причуда слишком большая, ваша милость. – Вос потер руки. – Может быть, в трюме?

– Недопустимо, чтобы будущее Компании хранилось где-то как ненужная мебель.

– Мало кто знает, что собой представляет Причуда, – продолжал Вос, ненадолго отвлекшись на всплеск весел подплывающего челнока. – И уж тем более, что мы возем ее на «Сардаме». Лучший способ ее защитить – сделать вид, что это действительно ненужная мебель.

– Разумно, но в трюм может зайти кто угодно, – ответил Ян Хаан.

Оба озадаченно умолкли.

Солнце жгло спину, капельки пота собирались над бровями и катились по лицу, проделывая бороздки в пудре, которую Доротея щедро наложила Саре на лицо, чтобы скрыть веснушки. Ей ужасно хотелось оправить одежду, снять воротник и отлепить от тела влажную ткань, но муж ненавидел, когда при нем ерзают не меньше, чем когда его перебивают.

– Как насчет порохового погреба, ваша милость? – спросил Вос. – Он заперт и под охраной. Никто не догадается, что там хранится нечто столь ценное.

– Превосходно. Распорядитесь.

Когда Вос удалился, генерал-губернатор наконец повернулся к жене.

Он был на двадцать лет старше Сары. Лысина на вытянутой голове, обрамленная ободком темных волос над большими ушами, напоминала тонзуру. В Батавии носили шляпы, чтобы уберечься от палящего солнца, но муж Сары считал,

что в шляпе выглядит глупо. В результате лысина приобрела багровый оттенок, кожа на ней шелушилась и хлопьями усыпала складки воротника.

Темные глаза под прямыми бровями оценивающе посмотрели на Сару, пальцы потеряли длинный нос. Как ни крути, Ян был уродлив, но, в отличие от гофмейстера Воса, излучал силу. Каждое слово, слетавшее с его уст, казалось судьбоносным, каждый взгляд призывал собеседника осознать свою никчемность и найти способ хоть в чем-то пригодиться. Он полагал себя живым учебником образцового воспитания, дисциплины и моральных устоев.

– Жена, – сказал он тоном, который со стороны мог показаться любезным, и протянул руку к ее лицу, отчего Сара вздрогнула. Муж вдавил палец ей в щеку и грубо стер комок пудры. – Жара к тебе немилосердна.

Сара проглотила обиду и опустила глаза.

Они были женаты пятнадцать лет, но она могла по пальцам одной руки пересчитать те разы, когда ей удавалось выдержать его взгляд.

Его глаза были чернее чернил. Как Лиины, но у той они светились жизнью. Глаза же Яна были пусты, как две черные дыры, сквозь которые душа давно покинула их обладателя.

Она ощутила это в самую первую их встречу, когда ее с четырьмя сестрами доставили вечером к нему в гостиную роттердамского дома, словно мясные туши из лавки. Он поговорил с каждой и сразу выбрал Сару. Сделал обстоятель-

ное предложение и в разговоре с отцом Сары перечислил все преимущества их союза. Все сводилось к тому, что у нее появится красивая клетка и неограниченное количество времени на самолюбование.

Всю дорогу домой Сара проплакала, умоляя отца не выдавать ее замуж.

Слезы ничего не изменили. Слишком велико было приданое.

Она и не подозревала, что ее растили и кормили, чтобы потом продать, как тельца на заклание.

Ей казалось, что ее предали, но тогда она была юна. А теперь лучше понимала, как устроен мир. Мясным тушам не положено выбирать, на чьем крюке висеть.

– Твоя выходка была неподобающей, – процедил он сквозь зубы, по-прежнему улыбаясь для виду.

Придворные подошли ближе, чтобы не пропустить ничего интересного.

– Это не выходка, – упрямо пробормотала она. – Человек страдал.

– Он умирал. У тебя что, было снадобье от смерти? – Муж произнес это тихо, но тоном, способным умертвить все живое, вплоть до букашек на земле. – Ты импульсивна, безрассудна, упряма и простодушна. – Обидные слова летели в нее, как недавно камни – в Пипса. – Я прощал тебе эти качества, когда ты была девочкой, но твоя юность давно позади.

Дальше она не слушала, не было смысла. Привычная но-

тация, словно первые капли дождя перед яростной бурей. Ее слова ничего не изменят. Наказание последует позже, когда они останутся наедине.

– Сэмюэль Пипс считает, что кораблю грозит опасность, – выпалила Сара.

Не привыкший к тому, что его перебивают, генерал-губернатор нахмурился.

– Пипс в кандалах, – возразил он.

– Только руки. Глаза и способности ничего не сковывает. Он считает, что прокаженный служил плотником, возможно на одном из кораблей, который готовится отплыть в Амстердам.

– Никто бы не взял прокаженного на корабль.

– Возможно, недуг проявился, когда бедняга приплыл в Батавию.

– Согласно моему приказу, прокаженных казнят, а тела сжигают. Никто не потерпит их присутствия в городе. – Генерал-губернатор раздраженно покачал головой. – Ты поверила рассказам умалишенного преступника. Нет никакой опасности. «Саардам» – прекрасное судно с прекрасным капитаном. Во всей флотилии нет корабля прочнее. Поэтому я его и выбрал.

– Пипса беспокоит не прочность досок, – огрызнулась Сара и тут же понизила голос. – Он опасается саботажа. Каждый, кто взойдет на борт, окажется под угрозой. В том числе наша дочь. Мы уже потеряли мальчиков, неужели вы выдер-

жали бы... – Она сделала вдох, пытаясь успокоиться. – Разве не было бы разумнее поговорить с капитанами кораблей до отплытия? У прокаженного отрезан язык и изувечена нога. Если он служил на одном из кораблей, капитаны, без сомнения, его вспомнят.

– И что я, по-твоему, должен сделать? – укоризненно спросил муж, кивая на толпу в несколько сот человек, изнемогающих от жары. Пока они разговаривали, придворные умудрились неслышно приблизиться на достаточное расстояние, чтобы подслушивать. – Приказать всем вернуться в форт, ибо так велел преступник?

– Вы доверяли Пипсу, когда вызвали его из Амстердама на поиски Причуды.

Глаза Яна угрожающе сузились.

– Ради Лии, – смело продолжала Сара. – Можно мы с ней хотя бы поплывем на другом корабле?

– Нет, все поплывут на «Саардаме».

– Хотя бы Лия.

– Нет.

– Но почему? – Обескураженная таким упрямством, Сара забыла, что он разъярен. – Другой корабль ничем не хуже. Почему вы так настаиваете на том, чтобы плыть...

Муж одарил ее хлесткой пощечиной. Придворные заахали и захихикали.

Взглядом Сары можно было бы потопить все корабли в порту, но генерал-губернатор встретил его бесстрастно,

только извлек шелковый носовой платок из кармана. Его ярость улетучилась.

– Приведи дочь, так чтобы мы взошли на борт вместе, всей семьей, – велел он, отряхивая пудру с руки. – Наше пребывание в Батавии подошло к концу.

Сжав зубы, Сара повернулась к процессии.

Придворные глазели на нее и шушукались, но она смотрела только на паланкин.

Лия неотрывно глядела на нее из-за потрепанного полога. По лицу ее невозможно было понять, о чем она думает.

«Будь он проклят, – думала Сара. – Будь он проклят».

Весла вздымались и опускались, льющаяся с них вода переливалась на солнце. Челн плыл к «Саардаму» по голубой гавани, покрытой легкой рябью.

Капитан стражи Якоб Дрехт сидел на средней скамье, широко расставив ноги, и рассеянно стряхивал кусочки солевой рыбы со светлой бороды.

Он отстегнул ножны от пояса и положил на колени шпагу – искусно сработанный клинок с изящным эфесом. В основном мушкетеры были вооружены пиками, мушкетами или ржавыми кинжалами, снятыми с поверженных врагов на поле боя. Такие шпаги, как у Дрехта, носили знатные вельможи, она была слишком хороша для простого солдата, и Арент гадал, где тот разжился таким оружием и почему не продал его.

Рука Дрехта покоилась на ножнах, и время от времени он настороженно поглядывал на узника и одновременно вел дружескую беседу с земляком-лодочником: они вспоминали, как вместе охотились на кабана в окрестностях своей деревни и выпивали в тавернах.

На носу, в окружении змееподобных цепей, Сэмми уныло перебирал покрытые ржавчиной звенья оков. Арент никогда не видел друга в столь угнетенном состоянии. За пять лет, что они работали вместе, Сэмми бывал вспыльчивым, доб-

рым и ленивым, но сломленным – никогда. А сейчас будто солнце на небе потускнело.

– Как только окажемся на корабле, сразу поговорю с генерал-губернатором, – пообещал Арент. – Постараюсь его вразумить.

Сэмми покачал головой.

– Не послушает, – отрешенно сказал он. – И чем больше ты будешь меня защищать, тем труднее тебе будет доказать, что ты ни при чем, когда меня казнят.

– Казнят?! – воскликнул Арент.

– Генерал-губернатор намерен это сделать, как только мы доплывем до Амстердама. – Сэмми фыркнул. – Если, конечно, доплывем.

Арент поискал взглядом лодку генерал-губернатора. Она плыла сзади, все семейство сидело под навесом. Ветерок слегка развевал легкую ткань, открывая Лию, положившую голову на колени матери. Генерал-губернатор сидел поодаль от них.

– Совет семнадцати никогда такого не допустит, – возразил Арент, вспоминая, как высоко в Компании ценили таланты Сэмми. – Тобой слишком дорожат.

– Генерал-губернатор едет в Амстердам, чтобы занять место в Совете. Надеется всех убедить.

Их челн проплыл меж двух кораблей. Забравшиеся на снасти матросы перебрасывались скабрезностями с соседями. Кто-то мочился в море, желтая струя едва не угодила в

челнок.

– Что вообще происходит, Сэмми? – серьезно спросил Арент. – Ты отыскал Причуду, как тебя и просили. В твою честь закатали пирушку. И как так получилось, что ты вошел в кабинет генерал-губернатора героем, а вышел узником в кандалах?

– Я много об этом думал. Ничего не понимаю, – с отчаянием в голосе проговорил Сэмми. – Он требовал, чтобы я во всем признался, но, когда я ответил, что не знаю, в чем признаваться, он взъярился на меня и велел сидеть в каземате, пока не одумаюсь. Поэтому я и прошу тебя оставить меня.

– Сэмми...

– Во время последнего расследования я чем-то навлек на себя его гнев, но, не зная, чем именно, я не в силах обезопасить тебя, – перебил его Сэмми. – И могу поклясться, как только он со мной покончит, про наши заслуги сразу забудут и твоя репутация в Объединенной Ост-Индской компании будет погублена. Я отравлю тебе жизнь, Арент Хейс. Я повел себя безрассудно и высокомерно, за что и поплатился. Но я не потащу тебя на дно за собой. – Он подался вперед и, глядя в лицо Аренту, с жаром сказал: – Вернись в Батавию, позволь мне хоть раз спасти тебе жизнь.

– Я взял у тебя деньги и дал слово оберегать тебя, – ответил Арент. – Так что ни за что не допущу, чтобы за эти восемь месяцев ты стал добычей воронья.

Сэмми покачал головой и умолк, признавая свое поражение.

ние; плечи его поникли.

Челнок приблизился к скрипящей громаде «Саардама», возвышавшейся над водой как огромная деревянная стена. Корабль вышел из Амстердама всего десять месяцев назад, но уже казался древним – красная и зеленая краска отслаивалась, древесина покоробилась после попадания из холодной Атлантики во влажные и жаркие тропики.

То, что такая громадина могла плыть по воде, казалось чудом инженерной мысли, чем-то сродни колдовству, и Аренд ощущал себя букашкой рядом с кораблем. Он провел пальцами по шершавым доскам. Древесина мерно подрагивала. Аренд представил, что там, по ту сторону, – лабиринт палуб и трапов, мрак, пронзаемый случайными лучами солнца. Чтобы управлять таким кораблем, понадобится не одна сотня человек. Пассажиров будет не меньше. И всем им грозит опасность. Сэмми, закованный в кандалы и измученный дурным обращением, – единственный, кто может их спасти.

Аренд постарался высказать эту мысль как можно красноречивее:

– Кто-то хочет потопить корабль, а я плаваю, как мешок с камнями. Может, вынешь голову из задницы и сделаешь что-нибудь?

Сэмми ухмыльнулся.

– Тебе бы армией командовать, – ехидно сказал он. – Что ты нашел у прокаженного?

Аренд развернул лоскут, оттяпанный от мешка на приста-

ни, и показал амулет прокаженного, который тот сжимал в руке перед смертью. Деревяшка обуглилась до неузнаваемости.

Сэмми подался вперед и вперился взглядом в амулет.

– Его располовинили, – сказал он. – Края неровные. – Он задумался, потом повернулся к Якобу Дрехту. – Вы когда-нибудь служили на торговом галеоне? – Несмотря на кандалы, в голосе Сэмми слышалась властность.

Дрехт покосился на него так, будто вопрос был темной пещерой, куда он не хотел входить.

– Да, – наконец ответил он.

– Как быстрее всего потопить корабль?

Дрехт изогнул кустистую светлую бровь, потом кивнул на Арента:

– Попросить твоего приятеля кулаком проломить в нем дыру.

– Я серьезно, капитан, – ответил Сэмми.

– А к чему такие вопросы? – с подозрением спросил тот. – Будущее не сулит тебе ничего хорошего, но я не позволю тебе утащить генерал-губернатора с собой в ад.

– Мое будущее в руках Арента, а это значит, что я за него спокоен, – ответил Сэмми. – Однако кораблю сулили гибель. Надо убедиться, что это всего лишь пустые угрозы.

Дрехт посмотрел на Арента:

– Он правда не замышляет ничего дурного, лейтенант? Клянешься?

Арент кивнул, и Дрехт уставился на соседние корабли. Нахмурился и поправил перевязь на плече, забренчав медными фляжками.

– Поджег бы пороховой погреб, – заявил он после долгого молчания. – Вот что бы я сделал.

– Кто сторожит пороховой погреб?

– Констебль. А дверь на запоре, – ответил Дрехт.

– Арент, узнай, кто может туда войти и не затаил ли констебль обиду на кого-нибудь, – сказал Сэмми.

Арент с радостью отметил воодушевление в голосе друга. В основном они расследовали кражи, убийства, давно совершенные преступления, которые было легко распутать. Будто приезжали в театр после спектакля и их просили восстановить сюжет по разорванным программкам и оставшимся декорациям. Однако здесь они имели дело с еще не совершенным преступлением, шансом спасти жизни, а не актом отмщения.

Вот где Сэмми сможет в полной мере проявить свои способности. Скорее всего, это займет его до того времени, когда Арент добьется его освобождения.

– Тебе понадобится разрешение капитана Кроуэлса, – прервал его мысли Дрехт, вытирая с ресниц морскую воду. – Без него в пороховой погреб не попасть. А такое разрешение не то чтобы легко получить.

– Тогда начни пока отсюда, – сказал Сэмми Аренту. – Поговори с констеблем и постарайся узнать, кем был прокажен-

ный. Думается мне, что он жертва, а не преступник.

– Не преступник? – усмехнулся Дрехт. – А не он ли осыпал нас проклятиями?

– Это без языка-то? Он привлекал к себе внимание, а кто-то вещал за него. Мы не знаем, желал он нам зла или нет, но он точно не сам забрался на ящики и поджег на себе одежду. Он и руками-то замахал, только падая вниз. И все видели, в какой ужас он пришел, когда его охватило пламя. Он не знал, что с ним произойдет, а значит, его смерть – гнусно подстроенное убийство. – По кандалам бежал паучок, и Сэмми подставил руку, чтобы тот перебрался на скамью. – Поэтому Арент узнает, как звали прокаженного, поговорит с его приятелями и выяснит, как он провел последние недели своей жизни. Собрав все факты, мы, возможно, поймем, как он оказался на ящиках, чей голос мы слышали и почему этот некто таит злобу на пассажиров «Саардама».

Арент смущенно поерзал на скамье:

– Не уверен, что могу сделать хоть что-нибудь из перечисленного, Сэмми. Может, мы найдем...

– Три года назад ты попросил меня обучить тебя моему ремеслу, и я взял тебя в ученики, – сказал Сэмми, сердясь на друга за нерешительность. – Пришло время себя проявить.

Старые разногласия всплыли на поверхность, словно зловонные болотные пузыри.

– Мы же отказались от этой идеи, – вскинулся Арент. – Понятно же, что я не могу делать то, что делаешь ты.

– Тогда в Лилле тебя подвел не ум, Арент, а горячность. Ты слишком сильный, а оттого нетерпеливый.

– Я провалил дело не потому, что слишком сильный.

– И тот единственный раз настолько подорвал твою уверенность в себе...

– Невинный человек чуть не погиб.

– С невинными людьми иногда такое случается, – заявил Сэмми тоном, не терпящим возражений. – А сколько языков ты знаешь? Вспомни, с какой легкостью ты их выучил. Я наблюдал за тобой все эти годы. И знаю, что ты все подмечаешь. И запоминаешь. Что было надето на Саре Вессел утром? Какие туфли? Шляпка?

– Не помню.

– Да все ты помнишь, – усмехнулся Сэмми, зная, что Арент солгал по привычке. – Вот упрямец. Если бы я спросил, сколько ног у лошади, ты бы сказал, что никогда лошадей не видел. Как ты применяешь все эти сведения?

– Твою жизнь берегу.

– Ну вот, ты снова полагаешься на силу там, где нужен ум. – Сэмми потряс тяжелыми кандалами. – Мои возможности ограничены, Арент, и раз я сам не могу вести расследование, то рассчитываю, что корабль спасешь ты. Я не позволю какому-то негодяю утопить меня до того, как генерал-губернатор меня повесит.

Лодочник подвел челн боком к борту «Саардама».

Вереница челноков окружила «Саардам», словно муравьи – тушу быка. Каждый был полон пассажирами, которым разрешили взять по одному узлу с поклажей. Они просили, чтобы к ним спустили веревочные трапы, а матросы высоко наверху потешались над ними, делая вид, что ищут трапы или не слышат, что им кричат.

Офицеры «Саардама» смотрели на эти забавы сквозь пальцы, ожидая, когда на борт поднимется генерал-губернатор. Пока он с семейством не устроится на корабле, никого другого туда не пустят.

Доска на четырех веревках медленно поднимала наверх Лию. Сара наблюдала снизу, прижав руки к груди и до смерти боясь, что дочь не удержится или веревка оборвется.

Муж уже был на борту, а Саре предстояло подняться в последнюю очередь.

Что при посадке на корабль, что во всех прочих случаях этикет предписывал ей оставаться наименее важным человеком в собственной жизни.

Когда пришел черед Сары, она села на доску, крепко схватилась за веревки и радостно засмеялась, когда доска взмыла вверх и ветер принялся трепать одежду.

Ее охватил восторг.

Она болтала ногами и смотрела сверху на Батавию.

Тринадцать лет она наблюдала за тем, как город расплзается, словно тающий кусок масла. Из окон форта он виделся огромным нагромождением улочек, торговых лавок, рынков, заключенным в зубчатых стенах.

Но сверху он казался одиноким существом: улицы и каналы жались друг к другу, будто их теснили к берегу подступающие джунгли. Над крышами висели клубы торфяного дыма; в небе кружили яркие птицы, ожидая, когда закончится базарный день и можно будет поживиться объедками.

С болью в сердце Сара осознала, как сильно она будет скучать по этому месту. Каждое утро Батавия просыпалась под громкие крики попугаев – их стаи взлетали с качающихся ветвей и расцвечивали небо ярким опереньем. Сара любила этот многоголосый гвалт, мелодичный язык местных жителей, пряный запах похлебки, которую по вечерам готовили в огромных котлах.

В Батавии у Сары родилась дочь и умерли двое сыновей. Радости и горести жизни в Батавии сделали ее такой, какая она была сейчас.

«Качели» доставили Сару на шканцы, у грот-мачты. Матросы сновали по снастям, словно пауки, тянули канаты и вязали узлы, плотники строгают доски, а юнги конопатили и смолили швы, стараясь не нарваться на ругань.

Лия стояла у поручней и оглядывала корабль.

– Впечатляет, правда? – восхищенно спросила она мать. – Но столько лишней работы. – Лия указала на матросов, кото-

рые с кряхтением опускали груз в люк трюма, будто в разверстую пасть зверя, которого следовало накормить перед дорогой. – Им бы подъемную машину, и они бы справились вдвое быстрее. Я могла бы сконструировать такую, если бы они...

– Тебя не послушают. Ни за что, – перебила ее Сара. – Держи свои идеи при себе, Лия. Вокруг мужчины, которым не по нраву придутся твои предложения, пусть даже высказанные с самыми благими намерениями.

Лия обиженно закусил губу, глядя на ненадежную подъемную конструкцию:

– Но это так легко сделать, почему мне нельзя...

– Потому что мужчинам не нравится, когда их выставляют глупцами, а именно так они себя чувствуют, стоит тебе заговорить. – Сара погладила дочь по щеке, жалея, что не может облегчить той понимание жизни. – Ум – это своего рода сила, а мужчины не потерпят рядом женщину, которая сильнее их. Гордость не позволит, а она им всего дороже. – Она покачала головой, не в состоянии найти нужные слова. – Этого не понять. Просто такова жизнь. В стенах форта тебя окружали любящие люди и ты боялась только отца, но на «Саардаме» такой защиты нет. Здесь опасно. Так что запомни мои слова и всегда думай, прежде чем что-то сказать.

– Да, мама, – ответила Лия.

Сара вздохнула и притянула дочь к себе. Сердце ее болезненно сжалось. Какой матери хочется запрещать своему ребенку быть тем, кем он желает, но что проку лезть на рожон.

– Скоро все изменится, обещаю, мы будем в безопасности и заживем так, как хотим.

– Жена! – прокричал генерал-губернатор с другого конца палубы. – Хочу представить тебя кое-кому.

– Иду, – отозвалась Сара, беря Лию за руку.

Муж разговаривал с потным толстяком, лицо которого испещряли красные прожилки, а воспаленные глаза слезились.

Очевидно, он поздно встал и не уделил должного внимания своему туалету. Ленты щегольского наряда развязались, рубашка выбилась из-под пояса. Толстяк не был напомажен и надушен, хотя отчаянно нуждался и в том и в другом.

– Это мастер-негоциант Рейньер ван Схотен, главный человек на корабле, – сказал генерал-губернатор. В его словах сквозила неприязнь.

Ван Схотен окинул Сару таким взглядом, будто мысленно прикалывал к ней ценник.

– Я думала, главный – капитан, – удивилась Лия.

Ван Схотен заткнул большие пальцы за пояс и выпятил пузо, собрав остатки достоинства.

– Не на торговом судне, госпожа, – пояснил он. – Задача капитана проста – благополучно привести корабль в Амстердам. Я же отвечаю за все прочее.

«Проста», – подумала Сара. Будто есть задача поважнее, чем не затонуть.

Хотя, разумеется, она была.

Судно плыло под флагом Объединенной Ост-Индской

компании, а значит, выгода ставилась превыше всех прочих соображений. Задача не будет выполнена, если товар испортится в пути в Амстердам или торговля на Мысе не принесет барыша. А вот если бы специи были доставлены в порт назначения в целости и сохранности, пусть даже люди и перемерли бы на борту, Совет семнадцати объявил бы экспедицию успешной.

– Желаете осмотреть корабль? – Рейньер ван Схотен подал Лии руку так, чтобы был виден каждый перстень.

К сожалению, драгоценности не могли отвлечь внимания от мокрых подмышек.

– Мама, хочешь? – Лия с гримасой отвращения повернулась к матери.

– Моя жена и дочь ознакомятся с кораблем позже, – нетерпеливо произнес генерал-губернатор. – Я хочу осмотреть груз.

– Груз? Ах да. – Непонимание на лице мастера-негоцианта сменилось озарением. – Я проведу вас прямо туда.

– Хорошо, – ответил генерал-губернатор. – Дочь, ты в третьей каюте. – Он махнул рукой в сторону маленькой красной двери позади. – Жена, ты в шестой.

– В пятой, ваша милость, – извиняющимся тоном поправил его мастер-негоциант. – Я поменял каюты.

– Зачем?

– Видите ли... – Ван Схотен смущенно переступил с ноги на ногу. Снасти отбрасывали тень на палубу, из-за чего ка-

залось, что он угодил в паутину. — Пятая каюта удобнее.

— Вздор, они совершенно одинаковые. — Генерал-губернатор пришел в ярость оттого, что кто-то посмел его ослушаться, пусть и в столь незначительном вопросе. — Я приказывал подготовить шестую каюту.

— Она проклята, ваша милость, — выпалил мастер-негоциант, краснея от смущения. — За восемь месяцев пути из Амстердама в ней было два пассажира. Первого нашли висящим на потолочном крюке, а второй умер во сне, с широко открытыми от ужаса глазами. По ночам из нее доносятся шаги, хотя в ней никто не живет. Прошу вас, мой господин, она...

— Мне плевать, — перебил его генерал-губернатор. — Забирай себе любую каюту, какую хочешь, жена, и располагай своим временем, как тебе будет угодно. Ты не понадобишься мне до вечера.

— Да, муж мой, — кивнула Сара.

Сара дождалась, когда Рейньер ван Схотен и ее муж спустятся по трапу, потом схватила Лию за руку и повела ее к каютам так быстро, как только позволяли пышные юбки.

— Мама, куда мы так торопимся? — возмутилась Лия, чуть не падая.

— Надо, чтобы Кресси с мальчиками успела сойти с корабля до отплытия, — ответила Сара.

— Отец не позволит, — возразила Лия. — Кресси сказала, что она должна была остаться в Батавии еще на три месяца, но отец велел ей явиться на корабль. Приказал даже. Выку-

пил для нее каюту.

– Поэтому я ему ничего не скажу, – ответила Сара. – Он узнает о том, что Кресси сошла на берег, только после отплытия.

Лия уперлась ногами в палубу и потянула мать за руку.

– Он тебя накажет, – в ужасе сказала она. – Ты же знаешь, что он сделает, будет еще хуже, чем...

– Надо предупредить Кресси, – перебила ее Сара.

– В прошлый раз ты слегла.

Смягчившись, Сара погладила дочь по щеке:

– Прости, милая. Это было... Жаль, что ты видела меня в таком состоянии, но я не могу допустить, чтобы наша подруга подвергала себя опасности, раз твой отец слишком упрям и не желает внимать разумным доводам, коль скоро они высказаны женщиной.

– Мама, прошу тебя, – взмолилась Лия, но Сара уже сорвала с себя воротник и нырнула в маленькую красную дверь.

Внутри оказался узкий коридор, освещенный мерцающей в алькове свечой. По обе стороны коридора было четыре двери с выжженными на них римскими цифрами. Матросы с кряхтеньем заносили в каюты баулы и мебель, проклиная тяжелую поклажу богачей.

Служанка Сары указывала им, что и куда ставить.

– В какой каюте Кресси? – спросила Сара.

– В седьмой. Напротив Лии, – ответила Доротея и задер-

жала Лию под пустяковым предлогом, чтобы Сара могла спокойно уладить дела.

Сара протиснулась мимо матросов, в чехле звякнула арфа, а путь Саре преградил большой, перевязанный бечевкой ковер, который не проходил в узкий дверной проем.

– Не лезет, капитан, – взвыл матрос, который держал ковер на плече и пытался его согнуть пополам. – Может, в трюм?

– Виконтесса Дилвахен нуждается в привычном комфорте, – раздраженно отозвался капитан из каюты. – Стоймя попробуй.

Матросы выпрямились. Послышался треск дерева.

– Да что вы, черт подери, творите? – рявкнул капитан. – Дверь сломали?

– Это не мы, капитан, – запротестовал матрос.

Из свернутого ковра выскользнул и кляцнул о пол тонкий прут со сломанным концом.

Один из матросов пинком отшвырнул его в сторону.

– Это чтобы ковер не сминался, – пояснил он с неуверенной ухмылкой.

– Да и черт с ним! – прорычал голос из каюты. – Сложите пополам. Дилвахен сама разберется, куда его класть.

Каюта поглотила ковер, а вышедший из нее широкоплечий мускулистый человек очутился лицом к лицу с Сарой. Его глаза были цвета морских глубин, а волосы коротко стрижены от вшей. На щеках и подбородке проступила рыжева-

тая щетина. Загорелое угловатое лицо привлекало той же неброской красотой, что и корабль, которым он командовал.

Он отвесил Саре изысканный поклон, будто они находились при дворе.

– Прошу прощения за то, что выразился неподобающим образом, мадам, – сказал человек. – Я не знал о вашем присутствии. Адриан Кроуэлс – капитан «Саардама».

Узкий коридор был запружен людьми, из-за чего Сара с капитаном оказались в неловкой близости друг от друга.

Помандер капитана источал цитрусовый аромат, а зубы были необычно белы. От его дыхания пахло водной мятой. Одежда Кроуэлса выглядела богаче, чем у мастера-негоцианта, дублет был подбит яркой пурпурной тканью, а золотые галуны поблескивали в свете свечи. Рукава украшали полосы контрастной подкладки, а чулки под пышными короткими штанами были перевязаны шелковыми лентами. Начищенные пряжки туфель блестели.

Подобная изысканность одеяния свидетельствовала о значительных успехах в морском деле. Капитаны кораблей получали процент от выручки за товар, который им удалось благополучно доставить в пункт назначения. И все же Сара не удивилась бы, если бы узнала, что Кроуэлс носит все свое состояние на себе.

– Сара Вессел, – представилась она, слегка кивнув. – Мой супруг очень высокого мнения о вас, капитан.

Капитан просиял от удовольствия:

– Чрезвычайно польщен. Мы путешествовали вместе дважды, и я неизменно нахожу его общество приятным. Стесненные условия на «Саардаме» не располагают к следованию моде, да? – Он кивнул на воротник в ее руке.

Откуда-то снаружи раздался хриплый голос, зовущий капитана.

– Боюсь, старший помощник нуждается в моем обществе. Вы ведь будете присутствовать на ужине, госпожа? Шеф-повар готовит нечто особенное.

Сара улыбнулась ослепительной улыбкой, выработанной за годы присутствия на ненавистных светских раутах.

– Конечно, капитан. Жду с нетерпением, – солгала она.

– Превосходно. – Капитан почтительно поцеловал ей руку и вышел.

Сара постучала в седьмую каюту. За деревянной дверью слышался смех подружки и радостные детские возгласы. Этот звук, словно глоток свежего ветра, прорвавшегося сквозь тлетворный туман, мгновенно улучшил настроение Сары.

Послышались легкие шаги, и дверь осторожно приоткрыл маленький мальчик.

– Сара! – Он просиял и обнял ее худыми ручонками.

Кресси Йенс возилась на полу со вторым сынишкой, не боясь помять шелковое платье. Мальчики были раздеты до панталон. И кожа, и волосы у обоих были влажными, а на полу валялась мокрая одежда. Очевидно, они успели вымокнуть еще до того, как попали на борт, что было неудивитель-

но.

Маркус и Осберт постоянно попадали в переделки. Маркусу было десять. Будучи старше брата на два года, он тем не менее уступал тому в сообразительности. Это Маркус сразу повис на Саре, отчего она скорее ввалилась, чем вошла в каюту.

– Какого репейчика ты вырастила, – пошутила Сара, нежно глядя макушку мальчугана.

Кресси отстранила Осберта и посмотрела на них. Разметавшиеся по полу волосы обрамляли ее лицо светлым ореолом, синие глаза сияли в солнечном свете. Лицо у нее было гладкое и округлое, фарфорово-бледные щеки порозовели. Сара не знала женщины красивее. Это единственное, в чем они с мужем были согласны друг с другом.

– Привет, Лия, – сказала Кресси темноволосой девушке, которая следом за матерью вошла в каюту. – Следишь, чтобы Сара не попадала в неприятности?

– Пытаюсь, но она без них не может.

– Отпусти, – велела Кресси Маркусу, который все еще держался за юбку Сары. – А то она тоже вымокнет.

– На нас напала волна, – пояснил Маркус, как обычно оставив слова матери без внимания. – А потом...

– Мальчики решили побороться с волной, – пояснила Кресси, вздыхая при воспоминании о случившемся. – Чуть не кувыркнулись за борт. К счастью, Вос успел их схватить.

При упоминании гофмейстера Сара изогнула бровь:

– Вы плыли с Восом?

– Скорее, он с нами. – Кресси закатила глаза.

– Он очень огорчился, – добавил Осберт, который все еще лежал на матери, его голый животик вздымался и опускался. – Но волна нас не побила.

– Ну, немножко, – уточнил Маркус.

– Совсем немножко, – поправил его Осберт.

Сара опустилась на колени и поглядела сначала на одно честное личико, потом на другое.

Светлые голубые глаза смотрели на нее бесхитростно и весело. Мальчики были так похожи. Темно-русые волосы, румяные щечки, оттопыренные уши. Маркус был выше, а Осберт крепче, но на этом их несходство заканчивалось. Кресси сказала, что они похожи на отца, ее второго мужа, Пьетера.

Его убили четыре года назад. Кресси редко об этом говорила. Из обрывочных рассказов Сара поняла, что она очень любила мужа и сильно тосковала по нему.

– Мальчики, мне нужно поговорить с вашей мамочкой, – сказала Сара. – Ступайте с Лией. Она хочет показать вам свою каюту, да, Лия?

Лия раздраженно свела брови. Она терпеть не могла, когда с ней обращались как с маленькой, но ее любовь к мальчикам пересилила недовольство, и она улыбнулась:

– Просто мечтаю. – Она приняла серьезный вид. – Похоже, там спряталась акула.

– Не может быть! – хором возразили мальчишки. – Акулы водятся только в воде.

Лия изобразила удивление:

– Мне тоже так говорили. Пойдемте проверим?

Мальчики с готовностью согласились и, как были в панталонах, выбежали из каюты.

Сара закрыла дверь. Кресси поднялась с пола и отряхнула платье:

– Как думаешь, мне позволят носить такое на корабле? Пришлось надеть, после того как промокла...

– Тебе надо сойти на берег, – перебила ее Сара, швыряя воротник на кровать.

– Обычно меня просят уйти хотя бы через неделю. – Кресси нахмурилась, найдя пятнышко на рукаве платья.

– Кораблю предрекли гибель.

– Кто? Сумасшедший в гавани? – скептически заметила Кресси, подходя к шкафчику у стены, в котором стояли четыре глиняные бутылки. – Вина?

– Некогда, Кресси, – взволнованно ответила Сара. – Ты должна сойти с корабля, пока мы не отплыли.

– Ты веришь в рассказы умалишенного? – спросила ее подруга, наполняя две чашки вином и протягивая одну Саре.

– Сэмюэль Пипс верит, – ответила Сара.

Рука Кресси с чашкой замерла на полпути ко рту, а на ее лице впервые проявился интерес.

– Пипс на борту? – спросила она.

– Он в кандалах.

– А на ужин придет?

– Он в кандалах, – повторила Сара.

– Все равно он одет лучше, чем большинство присутствующих, – задумчиво произнесла Кресси. – А мне можно его навестить? Говорят, он исключительно хорош собой.

– Когда я его видела, он выглядел так, будто только что вылез из навозной кучи.

Кресси с отвращением наморщила нос:

– Может, его уже отмыли.

– Он в кандалах, – еще раз медленно повторила Сара, ставя на стол нетронутую чашку с вином. – Ты ведь подумаешь о том, чтобы сойти на берег?

– А что говорит Ян?

– Он мне не верит.

– Тогда с чего ты взяла, что он меня отпустит?

– Не отпустит, – признала Сара. – Я... не собиралась ему говорить.

– Сара!

– Корабль в опасности! – воскликнула Сара и с досадой ударила ладонями по балке на потолке. – Ради себя и мальчиков, пожалуйста, вернись в Батавию. – Она помахала ушибленными руками. – Следующий корабль отплывает через четыре месяца. У тебя будет еще полно времени до свадьбы.

– Проблема не во времени, – возразила Кресси. – Ян хотел, чтобы я была на корабле. Он выкупил мне место, билет

доставил один из его мушкетеров. Я не могу сойти на берег без разрешения.

– Тогда поговори с ним, – взмолилась Сара. – Попроси разрешения.

– Если он тебя не послушал, то с чего станет слушать меня?

– Ты – его метресса, – ответила Сара. – Он к тебе благоволит.

– Только в спальне, – ответила Кресси, допивая вино и принимаясь за порцию Сары. – Тот, кто обладает властью, к несчастью для себя, слышит только собственный голос.

– Пожалуйста! Хотя бы попытайся!

– Нет, Сара, – мягко ответила Кресси, остужая пыл подружки. – И не из-за Яна. Если кораблю угрожает опасность, то как я могу бросить тебя здесь?

– Кресси...

– Не спорь со мной, два мужа и знатные любовники научили меня упрямству. К тому же, если «Саардаму» угрожает опасность, мы обязаны ее предотвратить. Ты сказала капитану?

– Арент скажет.

– Арент, – с придыханием произнесла Кресси, так что Аренту, наверное, начало икаться. – Когда это вы с отважным лейтенантом Хейсом стали называть друг друга по имени?

– В гавани, – ответила Сара, игнорируя намеки. – И как я

должна спасать «Саардам»?

– Не знаю, у меня ума на такое не хватит.

Сара усмехнулась, взяла вино и отпила большой глоток.

– Зато ты замечаешь гораздо больше других.

– Это вежливый способ назвать меня сплетницей, – ответила Кресси. – Ну же, перестань беспокоиться и изображать из себя Сэмюэля Пипса. Я видела, как вы с Лией разыгрываете его приключения в лицах и пытаетесь разгадать, кто преступник.

– Это просто игра.

– И у тебя очень хорошо получается в нее играть. – Кресси пристально посмотрела на подругу. – Думай, Сара. Что будем делать?

Сара вздохнула, потерла висок.

– Пипс считает, что прокаженный был плотником, – медленно проговорила она. – Возможно, на этом самом судне. Надо найти того, кто его помнит, и тогда мы узнаем, какая опасность нам угрожает.

– Двум женщинам небезопасно расхаживать по «Саардаму». К тому же капитан запретил пассажирам заходить дальше грот-мачты.

– А что это?

– Самая высокая мачта посередине корабля.

– Нам так далеко и не нужно, – ответила Сара. – Мы же не простые пассажиры. Все, кто нужно, придут к нам сами.

Открыв дверь, она властно кликнула:

– Кто-нибудь, приведите ко мне плотника. Эта каюта никуда не годится!

Сэмми Пипс болтался в воздухе, его руки и ноги торчали из сети, в которой его поднимали на борт «Саардама».

– Будешь дергаться, кандалы утянут тебя вниз! – крикнул ему капитан стражи Якоб Дрехт из лодки.

Сэмми напряженно улыбнулся:

– Меня уже давно не принимали за дурака, капитан.

– В безвыходной ситуации люди иногда глупеют, – буркнул Дрехт, снимая шляпу и вскакивая на веревочный трап.

Арент последовал за ним, хотя и гораздо медленнее. Годы военной службы сказались на нем в наилучшую сторону, колени хрустели, лодыжки трещали. Он чувствовал себя мешком с обломками.

Наконец он перевалился через фальшборт и очутился на шкафуте – самой широкой из четырех верхних палуб. Друга нигде не было видно, вокруг царил суматоха. Сгрудившись кучками, пассажиры ждали, когда им объяснят, куда идти, матросы драили шлюпки и забивали в стволы орудий пыжи из пеньки. На рее пронзительно вопили попугаи, юнги махали руками, пытаясь их согнать.

Опускание грузов в люки трюма сопровождалось бранью и раздачей нелестных прозвищ. Самый громкий голос принадлежал карлику в парусиновых штанах и жилете. В руках он держал развернутый свиток и зачитывал имена пассажи-

ров. Кряжистый, с грубым обветренным лицом, он напоминал пенек, оставшийся от дерева, в которое ударила молния.

Пассажиры называли себя, карлик помечал их имена в списке, с сильным акцентом объявлял, где чье место, и махал рукой, указывая, куда идти. Большинство пассажиров он отправлял вниз, в кубрик – вонючую душегубку, где они будут спать почти друг у друга на головах и станут легкой добычей хворей.

Арент с сочувствием смотрел им вслед.

Во время плавания в Батавию почти треть пассажиров кубрика умерли. У Арента сжималось сердце при виде детей, которые весело спускались по трапу, радуясь предстоящему путешествию.

Пассажиры побогаче, которые все же не могли позволить себе каюту, проходили под широким сводом направо и спускались в каюту под галфдеком, где среди припасов и инструментов висели парусиновые койки. Здесь хватало места, чтобы стоять и даже лечь – если не вытягивать ноги, – но, главное, тут были ширмы.

Месяц в море – и возможность хоть как-то уединиться будет казаться роскошью.

Аренту была отведена койка здесь по пути в Батавию, и ему снова предстояло спать в ней. Спина сразу отозвалась болью. Корабельная койка подходила ему так же, как быку рыболовная сеть.

– А вот и твой приятель! – прокричал ему Дрехт с другого

конца палубы и помахал рукой.

Он мог бы этого и не делать. Не заметить залихватского красного пера на его шляпе было невозможно.

Два мушкетера извлекали Сэмми из сети, хрипло шутя, что вот, мол, какая рыба попалась и не выбросить ли ее обратно в море.

Казалось, что Сэмми стоически переносит унижение, но Аренд видел, что его взгляд непрестанно скользит по их одежде и лицам в поисках секретов.

Каких угодно.

Аренд знал этих двоих еще с Батавии. Неприглядная парочка в заляпанных жиром мундирах и с немытыми физиономиями. Того, что повыше, звали Таймен. У него были гнилые зубы и редкая рыжая борода. Коротышку звали Эггерт; его лысую голову покрывали болячки. Он их ковырял, когда нервничал, а нервничал он почти все время.

– Куда его, капитан? – спросил Таймен, когда к ним подошли Аренд с Дрехтом.

– В камеру на носу корабля, – распорядился Дрехт. – Проведите его баком, мимо каюты парусного мастера.

Пассажиры и матросы расступались перед ними; в воздухе, словно мухи, роились шепотки. Никто не знал, почему Сэмюэль Пипс в кандалах, хотя у каждого была своя версия. Аренд чувствовал, что это отчасти его вина. Все эти пять лет он писал заметки о приключениях Сэмми. Сначала истории предназначались только для клиентов, которые хотели убе-

диться, что не зря платят деньги, но постепенно их полюбили клерки, потом торговцы и, наконец, простая публика. Их переписывали и отправляли во все порты, куда заходили корабли Компании. Их разыгрывали на сцене, а барды слагали о них песни. Сэмми стал самым знаменитым человеком в Республике Соединенных провинций¹, но его приключения были столь удивительными, а дедуктивные методы столь невероятными, что многие считали его шарлатаном. Одни говорили, что он сам же и совершал эти преступления, а иначе как бы он их раскрыл? Другие утверждали, что он прибегает к помощи темных сил и явно продал душу дьяволу в обмен на сверхъестественные способности.

Сэмми ковылял по палубе, а пассажиры показывали на него пальцами и шептались, радуясь, что их жалкие подозрения оправдались.

- Попался наконец, – говорили они.
- Доумничался.
- Так-то сделки с дьяволом заключать.

Под злобным взглядом Арента они мгновенно умолкали, но стоило ему пойти дальше, и шепот поднимался снова, как поднимается примятая трава.

Раздосадованный медленным шагом узника, Эггерт подтолкнул его, из-за чего тот запутался в цепях и упал. Таймен,

---

¹ Республика Соединенных провинций, или Голландская республика (полное название: Республика Семи Объединенных Нижних Земель), была основана в 1579 году. (Здесь и далее примеч. перев.)

хихикая, собрался его пнуть, но не успел он занести ногу, как Аренд схватил его за рубашку и швырнул на поручни с такой силой, что древесина затрещала.

Выватив кинжал, Эггерт бросился на Аренда.

Наемник стремительно шагнул Эггерту за спину, выкрутил ему руку и приставил кинжал к горлу.

Капитан стражи Дрехт тоже не медлил. Он выхватил из ножен шпагу и упер ее острие в грудь Аренда.

– Руки прочь от моих солдат, лейтенант Хейс, – спокойно предупредил он, приподнимая шляпу и глядя в глаза Аренду. – Отпусти его.

Кончик шпаги давил на кожу. Еще немного – и Аренд был бы пронзен насквозь.

В суматохе, вызванной ссорой Арента с Якобом Дрехтом, никто не заметил, как на борт поднялся Зандер Керш, что было почти подвигом, учитывая его телосложение. Он был высокий, худой и согбенный, поношенная лиловая ряса болталась на нем, как тряпка, занесенная ветром на сучковатое дерево. Морщинистое лицо имело тот же землистый оттенок, что и седые волосы.

Следом за ним за борт схватилась чья-то рука поменьше. Сильные пальцы искали, за что бы зацепиться.

Старик наклонился и попытался помочь, но рука его оттолкнула, и вскоре через борт перевалилась запыхавшаяся девушка с каштановыми кудрями. Она была из мардейкеров², гораздо ниже и младше Зандера, широкоплечая, с крепкими крестьянскими руками. Рукава холщовой рубахи были закатаны до локтей, юбка и передник покрыты пятнами.

Через плечо у нее висела громоздкая кожаная сумка с медной пряжкой. Явно опасаясь, что брызги воды могли попасть внутрь, девушка тут же подергала защелкнутую пряжку и с облегчением вознесла благодарственную молитву.

Свистнув матросам в шлюпке, она проворно поймала де-

---

² *Мардейкеры* (mardijkers) – этническая община в Голландской Ост-Индии, состоящая из потомков освобожденных рабов.

ревянную клюку, брошенную шлюпочником, и протянула ее Зандеру. Тот взял ее не сразу, поскольку его вниманием завлечла разворачивающаяся неподалеку сцена. Девушка вгляделась в толпу и узнала Медведя и Воробья из заключений знаменитого сыщика.

Прозвища были меткие, но все же не вполне отражали истинные габариты владельцев. Арент Хейс был не просто крупным, а огромным, как горный тролль. Он держал нож у горла извивающегося мушкетера, а бородатый солдат вжимал кончик шпаги в грудь Арента. Глядя на могучего Арента, не верилось, что клинок может его проткнуть, не говоря о том, чтобы убить.

Сэмюэль Пипс безрезультатно пытался встать на ноги. Кандалы мешали ему подняться, и он напоминал птичку с перебитым крылом. Да, он был красив, но хрупкой красотой: острые скулы, карие глаза, похожие на темный хрусталь. Вживую он оказался еще меньше ростом и телосложением походил на ребенка.

– Уже началось, – обеспокоенно пробормотал Зандер Керш. Он коснулся руки девушки и указал на шканцы, где совсем недавно стоял генерал-губернатор. – Обряд хорошо вершить там. – Он оперся на клюку. – Пойдем, Изабель.

Девушка неохотно последовала за ним. Она была не прочь поглазеть на заварушку, и ей хотелось узнать, подтвердит ли Арент свою грозную репутацию.

Оглядываясь на ходу, она помогла Зандеру подняться по

трапу. Каждый шаг давался ему с трудом.

Небо темнело. В сезон дождей днем нередко налетали яростные ливни, так что Изабель не удивилась, увидев, что на ярко-голубом небе толкуются тучи, время от времени закрывая солнце. На воду ложились тени, первые капли дождя застучали по палубе, а огромные флаги Ост-Индской компании затрепетали на ветру.

На шканцах Зандер неуклюже расстегнул пряжку на сумке и извлек на свет огромную книгу.

Капли дождя растеклись по кожаному переплету.

– Подними передник, – скомандовал Зандер. – От дождя надо укрыть.

Изабель нахмурилась, но сделала, как он просил. Сначала она вздрогнула от его резкого голоса, но потом поняла, что он просто боится.

Страх разгорался в ее душе, как тлеющие угли.

Больше года он обучал ее своему ремеслу, но рассказы об их враге были просто рассказами – да, ужасными, однако, подобно чужим трагедиям, не особо ее трогали. В сравнении с тяготами, которые она вынесла до встречи с Зандером, предстоящие труды казались сказкой. Эта работа мнилась ей увлекательным приключением.

Но, глядя на дрожащие руки Зандера, Изабель чувствовала себя так, будто к ее горлу тоже приставили нож.

Ее взгляд метнулся к Батавии.

Еще не поздно сбежать. И ночью снова чувствовать горя-

чий песок под босыми ногами.

– Руки не опускай! – пожурил ее Зандер, снимая тряпицу с кожаного переплета. – Держи передник над книгой. А то вымокнет. Некогда мечтать.

Сделав так, как он велел, Изабель отвела взгляд от далеких крыш. Какая бы опасность ни таилась на корабле, она не позволит собственной трусости убедить ее, что в Батавии безопасно. Бедную одинокую девушку опасность подстерегает на каждой улице. Бог предлагает ей лучшую долю в Амстердаме. Надо просто держать себя в руках.

Оперев тяжелую книгу о поручень, Зандер начал переворачивать веленевые страницы так быстро, как только позволяло почтение. Рисунок на первой изображал козлоподобное существо с ликом человека, восседающее на троне из змей. На следующей странице клыки чудовища вгрызались в кричащую от ужаса толпу. Дальше трехголовый паук злобно таранился на смущенную девушку.

Одна картинка была ужаснее другой.

Изабель отвернулась. Она ненавидела эту книгу. Когда Зандер впервые показал ей несколько страниц, ее стошнило прямо в церкви. И даже сейчас при взгляде на это торжество зла ее замутило.

Зандер наконец нашел нужную страницу: нагой старик с шипастыми крыльями оседлал чудище с головой летучей мыши и телом волка. Когтистыми руками он гладил по щеке юношу, придавленного к земле волкоподобным существом.

Оно злобно скалилось, высунув язык, будто потешалось над обезумевшим от ужаса юношей.

На другой странице был изображен символ, похожий на око с хвостом. Внизу шло заклинание на странном языке.

Прикрыв изображение рукой, Зандер вновь обратил внимание к происходящему на палубе.

Сэмюэль Пипс что-то говорил, и все взгляды устремились к нему. Прямо как в рассказах о его приключениях. Он лежал на палубе, в кандалах, однако имел полную власть над собравшимися. Даже великан, казалось, уstraшилcя.

Дождь шел все сильнее, бежал по таям, вода собиралась в лужи, просачивалась под передник Изабель. Сквозь тучи на темном, словно закопченном, небе иногда пробивались солнечные лучи.

Капитан стражи отчего-то насторожился, кончик шпаги еще сильнее вдавился Арену в грудь.

– Ну, давай же, – пробормотал Зандер Керш. – Давай.

Держа кинжал у горла Эггерта и чувствуя острие шпаги на своей груди, Арент признался себе, что посадка прошла не так гладко, как он надеялся.

– А ну, тихо, – бросил он вырывающемуся мушкетеру, еще крепче хватая его за шиворот. Потом смерил взглядом Якоба Дрехта, рука которого со шпагой за это время так и не дрогнула. – Мне с тобой делить нечего, – сказал ему Арент. – Но Сэмми Пипс – великий человек, и я не позволю, чтобы его унижали такие ссанные ничтожества. – Он кивнул на Таймена, который шатаясь поднялся на ноги. – Знайте все, Сэмми – не развлечение для скучающей солдатни. С этого момента всякий, кто дотронется до него, умрет прежде, чем успеет об этом пожалеть.

Тон Арента не оставлял ни малейшего сомнения в его намерениях.

Во всей Ост-Индской компании не было человека подлее, чем мушкетер. Ремесло это оплачивалось скудно, а посему привлекало лишь тех, чьи души черны, тех, кто стремился попытать счастья как можно дальше от родины, ибо на родине их ждала виселица. А в далеких краях их волновало только, как бы развлечься да сохранить свою шкуру, и горе тому, кто осмеливался им помешать.

Держать такое отребье в узде можно было лишь с помо-

щью страха. Дрехт знал, на что лучше закрыть глаза, а какая обида требует искупления кровью. Если Дрехт его не убьет, если не станет защищать честь, которой у этих двоих все равно нет, это сочтут слабостью. И все восемь месяцев ему придется завоевывать послушание команды вновь.

Сжав рукоять кинжала так, что по краю клинка прокатилась капля Эггертовой крови, Арент потребовал:

– Опустить шпагу, Дрехт.

– Сначала отпусти моего солдата.

Они глядели друг на друга, а воющий ветер бросал пригоршни дождя им в лица.

– Твой дружок надул тебя в игре в кости, – внезапно объявил Сэмми, разряжая нарастающее напряжение.

Все тут же вспомнили о его присутствии и поглядели на него. Он обращался к Эггерту, мушкетеру, которого удерживал Арент.

– Что? – возмутился Эггерт, резко двинув челюстью, и Аренту пришлось сместить клинок чуть ниже, чтобы ненароком не продырявить ему щеку.

– Когда ты вытаскивал меня из сети, ты злился на него, – пояснил Сэмми, с усилием поднимаясь на ноги. – Он досадил тебе недавно. Ты все поглядывал на него и хмурился. Я слышал, как у него в кошеле под камзолом звякали монеты. А в твоём – нет, потому что твой был пуст. И ты все гадал, не обдурил ли он тебя. Так вот, обдурил.

– Не может быть, – фыркнул Эггерт. – Кости были мои.

– Он сам предложил играть твоими?

– Ага.

– Ты несколько раз бросал кости, но удача от тебя отвернулась после того, как он сорвал первый куш?

Мушкетер нервно почесал покрытую струпьями лысину. Ошеломленный заявлением Сэмми, он даже не заметил, как Арент его отпустил.

– С чего ты это взял? – с подозрением спросил Эггерт. – Это он тебе наболтал?

– У него был еще один набор костей, – пояснил Сэмми. – Он подменил их, когда сгреб твои кости со своим выигрышем. А в конце игры вернул тебе твои.

Зеваки удивленно перешептывались, обвиняя Сэмми в том, что ему помогают темные силы. Так всегда бывало.

Сэмми не обратил на них внимания и кивнул Таймену, который обессиленно прислонился к переборке.

– Проверьте его кошель, они будут там, – сказал Сэмми. – Бросьте пять раз, и все пять раз выиграете. Они с грузилом.

Видя, что гнев Эггерта возрастает, Дрехт зачехлил шпагу и встал между двумя мушкетерами.

– Таймен – туда, – приказал он, махнув рукой в сторону грот-мачты. – Эггерт, вниз. – Он указал на нижнюю палубу. – И не приближаться сегодня друг к другу, иначе будете держать ответ передо мной. – Во взгляде Дрехта явственно читалось, что последствия послушания им не понравятся. – Всем остальным разойтись по своим делам!

Зеваки с ворчанием разобрались кто куда.

Дрехт убедился, что Эггерт с Тайменом ушли подальше друг от друга, и обратил все свое внимание на Сэмми.

– Как ты догадался? – спросил одновременно с благоговением и настороженностью, которую зачастую вызывали способности Сэмми.

– По настроению и весу кошельков, – сказал Сэмми, пока Арент его отряхивал. – Я знал, что один злится на другого, а деньги – самый явный мотив, так что я просто направил его гнев в нужное русло.

Выражение лица Дрехта изменилось, когда он смекнул, что на самом деле означают эти слова.

– То есть наугад?! – недоверчиво воскликнул он.

– Я знаю игру, – сказал Сэмми, обескураживающе разводя руками настолько, насколько позволяли кандалы. – Сам играл в юности. Нужны ловкость рук, много практики и глупец, которого можно обдурить. Все это здесь было.

Дрехт расхохотался, а потом покачал головой, удивляясь откровенности Сэмми.

– Ты жульничал, играя в кости? – спросил он. – Где это знатных вельмож такому обучают?

– Вы ошибаетесь насчет меня, капитан, – смущенно сказал Сэмми. Он мало рассказывал о своем прошлом, но Арент знал, что Сэмми так усердно работал, чтобы никогда больше не испытывать то, что испытал в детстве. – Я не из богатой семьи. Мой отец умер, когда я был маленьким, и мать оста-

лась беднейшей вдовой. Дорожная грязь была мне подушкой, а ветер – одеялом. Я не гнушался никаким заработком, иногда приходилось даже залезать в чужой карман.

– Ты был вором?

– И танцором, и акробатом, и алхимиком. Главным тогда было выжить, да и сейчас тоже. Я и Арента нанял, чтобы убийцы, которых я ищу, не дополнили мной список своих жертв. Арент знает свое дело и не потерпит угроз в мой адрес. – Сэмми изогнул бровь. – Понимаете ведь, в чем загвоздка?

– Да, – задумчиво ответил Дрехт. – Я обещаю, что никто тебя не тронет. А если кто посмеет, будет держать ответ передо мной. Всем на борту это сообщим. – Он протянул руку Аренту. – Слово чести, лейтенант Хейс. Идет?

– Да, – ответил Арент и пожал ему руку.

– Давно пора сопроводить Пипса в камеру.

Они покинули светлую палубу и спустились в мрачное помещение в носу корабля. Широкий ствол грот-мачты вырос из пола и уходил через потолок вверх. Качающийся фонарь выхватил из темноты лица матросов, сидящих на опилках. Матросы играли в кости и сетовали на жизнь.

– Тут команда коротает время в плохую погоду, – пояснил Дрехт. – По мне, так это самая опасная часть корабля.

– Опасная? – переспросил Арент.

Сэмми поворошил ногой опилки. Под ними оказались пятна крови.

– Когда выйдем в море, передняя половина корабля окажется в полном распоряжении команды, а задняя предназначена для пассажиров и офицеров, – пояснил Дрехт. – На чужую половину можно будет заходить, только если там работаешь, а это означает, что на половине команды будет действовать свой закон. – Он открыл люк, в котором виднелся трап. – Сюда.

Они спустились в маленькую каморку, где на крюках висели огромные рулоны парусов. К полу был приколот верстак, за которым парусный мастер сшивал обрывки каната иглой с Арентову руку. Он равнодушно покосился на вошедших и продолжил свое занятие.

Сэмми оглядел комнатушку:

– Я ожидал гораздо худшего.

Позади них открылась дверь, и в проем протиснулся некто с широченными плечами и толстым брюхом. Человек был лысым, с рваными ушами. Щербатое лицо напоминало песчаный берег, испещренный следами какой-то мелкой твари. Правый глаз закрывала кожаная повязка, от которой в стороны шла паутина шрамов.

Он с ухмылкой покосился на кандалы Пипса:

– Ты, что ли, узник? – Великан облизал потрескавшиеся губы. – Слышал, что ты будешь на борту. Ждал, когда мне составят компанию.

Парусный мастер захихикал.

– Он под моей защитой, Вик, – предупредил Дрехт, каса-

ясь шпаги. — У двери поставлю мушкетера. Если с кем-то из них что-нибудь случится, тебя выпорют. Даже если дюжина матросов поклянется, что ты ни при чем.

Вик шагнул вперед, лицо его помрачнело.

— Солдатня, — он скорее выплюнул, чем произнес это слово, — не смеет мне указывать. Ты власти над командой не имеешь.

— Зато могу нашептать что-нибудь генерал-губернатору, а уж он — кому пожелает.

Вик ослабился и поковылял к трапу.

— Пусть ведет себя тихо. Не потерплю, если станет воем будить меня по ночам. — С неожиданным для его комплекции проворством он взобрался по трапу и исчез в люке.

— Что это было? — спросил Сэмми.

— Боцман, — мрачно пояснил Дрехт. — Держит в узде команду.

— Сэмми не будет жить с ним, — предупреждающе произнес Арент.

— Нет, это каюта Вика, — ответил Дрехт, указывая на дверь, откуда тот пришел. — Камера под нами.

Он поднял крышку еще одного люка. Вниз вел такой узкий лаз, что плечи Арента застряли, и он с трудом протиснулся вниз.

Внутри оказался парусный склад, сброшенные сверху обрезки ткани грудой валялись на полу. Эта часть трюма находилась на уровне ватерлинии, и то, что наверху было неж-

ным плеском волн, здесь превращалось в удары стенобитного орудия. Сюда проникал лишь узкий луч мутного света, так что почти все тонуло во тьме. Арент не сразу понял, что Дрехт открывает засов на маленькой дверце позади.

– Вон там камера, – объявил он.

Арент отстранил Сэмми от дверцы и сунул голову в непроглядную темень. Окон здесь не было, изнутри нещадно воняло, основание носовой мачты делило каморку пополам. Высоты едва хватало, чтобы Сэмми мог выпрямиться сидя.

– Что это за конура? – Арент с трудом сдерживал гнев.

Пленные офицеры содержались в условиях, подходящих рангу, то есть в приличном помещении. Он ожидал того же для Сэмми.

– Прости, Хейс, это приказ генерал-губернатора.

Лицо Сэмми вытянулось, на нем впервые отразилась паника. Он попятился от двери, мотая головой:

– Капитан, прошу вас, я не...

– Я действую согласно приказу.

Сэмми посмотрел на Арента безумным взглядом:

– Здесь слишком тесно, я... – Он покосился на лесенку, явно подумывая о побеге.

Дрехт напрягся и сжал эфес шпаги.

– Угомони его, лейтенант Хейс, – предупредил он.

Арент взял друга за плечи и посмотрел ему в глаза.

– Я поговорю с генерал-губернатором, – ободряющим тоном сказал он. – Позабочусь о том, чтобы тебя переселили,

но я могу это сделать только для тебя живого.

– Прошу тебя... – взмолился Сэмми, в отчаянии сжимая руки друга. – Не оставляй меня здесь.

– Не оставляю, – пообещал Арент, удивленный тем, что Сэмми так боится тесного пространства. – Сейчас же пойду к генерал-губернатору.

Дрожащий Сэмми кивнул, но потом помотал головой.

– Нет, – просипел он и добавил чуть тверже: – Нет. Сначала ты должен спасти корабль. Поговори с капитаном, потом с констеблем. Узнай, почему нам грозит смерть.

– Это твоя работа, – возразил Арент. – Я спасаю тебя, а ты – всех. Так было всегда. Генерал-губернатор прислушается к разумным доводам, я уверен.

– У нас нет времени, – проговорил Сэмми, когда Дрехт взял его за плечо и подтолкнул к дверце.

– Я не могу делать то, что делаешь ты, – возразил Арент, тоже начиная паниковать.

– Тогда найди того, кто сможет, – ответил Сэмми. – Поэтому что я больше не могу тебе помогать.

– Вперед! – скомандовал Дрехт.

– Хотя бы кандалы сними, – взмолился Арент. – Они же не дадут ему покоя.

Дрехт задумчиво поглядел на ржавые цепи.

– Генерал-губернатор не отдал конкретных распоряжений насчет кандалов, – признал он. – Пришлю кого-нибудь, как только смогу.

– Теперь все зависит только от тебя, – обратился Сэмми к Аренту, потом встал на четвереньки и пролез в дверцу.

Дрехт закрыл засов, оставив узника в крошечной темноте.

Сара мерила шагами каюту, время от времени задерживаясь у окошка. К ее облегчению, Батавия оставалась на месте. «Саардам» не поднял якорь, значит у нее еще есть время, чтобы раскрыть заговор, угрожающий кораблю. Если она найдет неопровержимые доказательства до отплытия, тогда, возможно, удастся убедить ее твердолобого мужа в том, что им грозит опасность.

Плотник все не приходил, и нетерпение Сары возрастало. – Будете так топать, корабль ко дну пойдет, – пожурила ее Доротея. Она стояла на коленях перед комодом и раскладывала наряды Сары по ящикам.

Горничной прощалась дерзость, поскольку она служила в семье так давно, что Сара уже и не помнила жизни без нее. Доротея работала в доме губернатора еще до того, как он женился, и только ее забота и добродушное ворчание приносили Саре успокоение в первые горькие годы брака.

Косы Доротеи посеребрила седина, но во всем остальном она осталась прежней. Она редко улыбалась, никогда не повышала голос и не распространялась о своем прошлом. Несмотря на это, Сара с ней сблизилась за эти годы, поскольку Доротея была острой на язычок, время от времени изрекала мудрости и ненавидела генерал-губернатора.

В дверь трижды постучали. Доротея с трудом поднялась –

ее все время мучила боль в коленях – и недовольно открыла дверь.

– Ты кто? – спросила она в щель.

– Генри, плотник, – ответили ей угрюмо. – Ваша хозяйка желает, чтоб я полки сделал.

– Полки? – переспросила Доротея, оглядываясь на Сару.

– Проси его сюда, – сказала Сара и тут же почувствовала неуместность этой фразы, поскольку здесь ничто не напоминало покои знатной дамы.

Каюта была меньше ее гардеробной в форте. Низкий потолок, встроенная в стену кровать с двумя ящиками внизу. Стол рядом с окошком, шкафчик для напитков и специальная ниша со спрятанной в ней ночной вазой. Для уюта на пол постелили ковер, а еще Саре позволили взять с собой две картины и арфу.

После стольких лет жизни в просторном форте покои в «Саардаме» казались плавучим гробом.

Сара собиралась проводить как можно больше времени на палубе.

Пригнувшись, Генри вошел в каюту. В руке он нес ящик с инструментами, а под мышкой – несколько досок.

Он был ужасно худой, с торчащими ребрами и жилистыми руками. Вокруг носа сгрудились прыщи, как прихожане вокруг пастора.

– Где делать полки? – спросил юноша угрюмо.

– Здесь и здесь. – Сара указала на пространство над и под

единственным шкафчиком. – Сколько времени займет работа?

– Немного. – Генри провел рукой по неровной стене. – Боцман хочет, чтобы я успел до отплытия.

– За хорошую работу положена награда, – сказала Сара. – Получишь гульден, если угодишь.

– Да, госпожа. – Генри слегка оживился.

– Да, ваша милость, – сердито поправила его Доротея, аккуратно складывая Сарино летнее платье.

Сара хотела было сесть на кровать, но подумала, что это, пожалуй, неприлично, выдвинула стул из-за стола и уселась на краешек, выпрямив спину.

– Ты слишком юн для корабельного плотника, – сказала она, глядя, как Генри измеряет длину шкафчика.

– Я подмастерье, – ответил тот рассеянно.

– А для подмастерья не слишком юн?

– Нет.

– Нет, ваша милость, – сердито поправила его Доротея.

– Нет, ваша милость, – пробормотал юноша, побледнев.

– А чем занимается подмастерье? – мягко спросила Сара.

– Всем, чем не хочет заниматься плотник. – В словах Генри сквозила долго копившаяся обида.

– Кажется, плотника я видела, – сказала Сара как можно небрежнее. – Он ведь хромой, да? И без языка?

Генри покачал головой.

– Нет, это вы про Боси, – сказал он, угольком отмечая на

дощечке нужное расстояние.

– Он старший плотник?

– Как бы он лазил по мачтам с изувеченной ногой? – фыркнул подмастерье, будто всем известно, чем занимается старший плотник.

– Да, пожалуй, никак, – согласилась Сара. – Боси служил на этом корабле или я его с кем-то путаю?

Генри переступил с ноги на ногу и бросил на Сару нервный взгляд.

– Что не так, юноша? – Она пристально посмотрела на него.

– Боцман велел не болтать о нем, – пробормотал подмастерье.

– А кто это, боцман?

– Главный в команде, – пояснил подмастерье. – Не любит, когда мы треплемся о корабельных делах с посторонними.

– А как зовут боцмана?

– Йоханнес Вик, – произнес Генри неохотно, будто боцман мог явиться на звук своего имени, и вышел в коридор распиливать доску. По полу застучали обрезки.

– Доротея, – сказала Сара, не отрывая взгляда от плотника. – Принеси два гульдена из моего кошелька.

Услышав про деньги, Генри поднял взгляд, продолжая пилить. Вряд ли он зарабатывал больше за неделю.

– Два гульдена к обещанному, если скажешь, почему Вик не хочет, чтобы я знала о Боси, – пообещала Сара.

Генри поерзал, его сила воли дала слабину.

– Твои друзья не узнают, – пообещала Сара. – Я – жена генерал-губернатора. И скорее всего, не заговорю ни с одним матросом до конца путешествия. – Она дала ему минуту на обдумывание, потом протянула монеты. – Ну так что, Боси служил на этом корабле?

Генри взял монеты и кивнул на каюту, показывая, что не будет говорить в коридоре, где их могут услышать. Сара впустила его и закрыла дверь так плотно, как только позволяли приличия.

– Да, на «Саардаме», – подтвердил Генри. – Ногу ему покалечило, когда пираты напали, но капитану он нравился, вот он и оставил его на борту. Сказал, что никто больше не знает корабль так, как он.

– И что здесь такого? – удивилась Сара. – Почему Вик не хочет, чтобы об этом знали?

– Боси никогда не затыкался, – пояснил плотник, нервно поглядывая на приоткрытую дверь. – Вечно хвалился чем-нибудь. В кости выиграл – всем уши прожужжит. У шлюхи побывает... – Генри побледнел под гневным взглядом Доротеи, – ну, тоже всем расскажет. В последний раз похвалялся, что заключил в Батавии какую-то сделку и теперь разбогатеет.

– Не затыкался? – Сара непонимающе нахмурилась. – У него же не было языка.

Плотник впервые сконфузился и тихо ответил:

– Это Вик сделал. Отрезал ему язык с месяц назад. Сказал, мол, надоело слушать это кваканье. На виду у всех. А нас заставил его держать.

Сара почувствовала прилив жалости:

– Капитан наказал боцмана?

– Капитан не видел, никто не видел. И против Вика никто ничего не осмелится сказать. Даже Боси не осмелился бы.

Сара начинала понимать, как устроена жизнь на галеоне.

– Раз вы его держали, значит у него не было проказы, – сказала она.

– Проказы? – Юноша с отвращением поежился. – На галеон не пускают прокаженных. Может, после, на берегу заразился. В порту капитан разрешает нам приходить и уходить когда вздумается. Большинство сошли на берег в Батавии, но Боси спрятался на корабле после того, как ему язык отрезали, и нигде не показывался.

– До того как лишиться языка, Боси говорил, что это за сделка и с кем он ее заключил? – спросила Сара.

Плотник покачал головой, явно желая, чтобы вопросы прекратились.

– Только то, что деньжата еще никогда не доставались ему проще. Так удружить кое-кому с кое-чем. А когда его спрашивали, с чем именно, он с жутковатой ухмылкой говорил одно слово: «Лаксагарр».

– Лаксагарр, – озадаченно повторила Сара.

Она бегло говорила на латыни, на французском и фла-

мандском языках, но никогда не слышала этого слова:

– Что это означает?

Плотник пожал плечами, явно встревоженный воспоминанием.

– Не знаю, никто не понял. Это на норне³. Боси был с островов. Наверное, что-то на его родном языке, но то, как он это произнес, нас... напугало.

– Говорит ли кто-нибудь из команды на норне? – спросила Сара.

Плотник мрачно рассмеялся:

– Только боцман Йоханнес Вик, но, чтобы его разговорить, трех гульденов маловато.

---

³ *Норн* – вымерший скандинавский язык, распространенный когда-то на Оркнейских и Шетлендских островах.

Едва Арент успел выйти из парусной каюты, как зазвонил судовой колокол. В него бил карлик, стоя на скамье.

– Наверх, сукины дети! – провопил он, брызжа слюной во все стороны. – Живо наверх!

В распахнутые люки на палубу полезли матросы, словно крысы, бегущие от пожара. Они наводнили шкафут, чуть ли не по головам друг друга взбирались на снасти и мачты и занимали каждый свободный пятачок, смеясь и пихая друг друга.

Арента оттеснили обратно к носу корабля и прижали к двери, из которой он недавно вышел. В воздухе густо пахло потом, элем и опилками.

Капитан стражи Якоб Дрехт снова коснулся шляпы в знак приветствия.

Он стоял спиной к стене, уперев в нее ногу, а во рту у него попыхивала вонючим дымом резная деревянная трубка. Шпага, которая еще несколько минут назад упиралась Аренту в грудь, стояла у стены рядом, будто приятель, решивший составить ему компанию.

– Что происходит? – спросил Арент.

Дрехт вынул изо рта трубку и почесал уголок губ. Под широкополой шляпой, над птичьим гнездом светлой бороды, ярко синели слегка прищуренные глаза.

– У капитана Кроуэлса есть традиция. – Дрехт кивнул на шканцы, где стоял коренастый широкоплечий человек, сложив руки за спиной; судя по поджатым губам, настроен он был серьезно.

– Это капитан? – удивился Аренд, отметив, что тот одет лучше многих генералов. – Смазливый, как пасторша. Что такой делает на галеоне? Он мог бы продать свой наряд и спокойно отойти от дел.

– У тебя всегда столько вопросов? – покосился на него Дрехт.

Аренд крикнул, досадуя, что так явно себя выдал. Непреходящая любознательность была следствием работы с Сэмми. Она появлялась у всех, кто провел с ним какое-то время. Они становились другими.

Менялся их образ мыслей.

До того как стать телохранителем, Аренд восемнадцать лет прослужил наемным солдатом. Тогда его врагами были лишь шпага, пуля и прочее оружие. Он ничем серьезно не озадачивался. Попросту было некогда. Солдату не до раздумий, когда на него смотрит пика, иначе она может его проткнуть. Теперь же при виде пики он принимался размышлять, кем она сделана, как попала к этому солдату, кто он, почему здесь оказался и так далее и тому подобное. Этот новый дар стал проклятьем Арента: он уже и солдатом не был, но и сыщиком не стал.

Кроуэлс обвел взглядом подчиненных, ни одна деталь не

ускользнула от его внимания.

По палубе забарабанил дождь.

Разговоры постепенно стихли, слышался только плеск волн и крики птиц, кружащих в небе.

Кроуэлс дождался, когда тишина стуситя:

– Каждый на борту этого корабля хочет снова увидеть землю. Кому-то нужно к семье, кому-то в любимый бордель, кому-то наполнить пустой кошелек.

Послышались приглушенные смешки.

– Чтобы увидеть дом родной, наполнить кошельки да просто дышать, мы должны удерживать этот корабль на плаву, – продолжал Кроуэлс, упершись руками в поручень. – А опасностей не счесть. Нас будут преследовать пираты, хлестать огромные волны, и чертово бурливое море попытается швырнуть нас на скалы.

Матросы одобрительно забормотали и распрямили спины.

– Уж в этом-то можете не сомневаться. – Кроуэлс заговорил громче. – Одна паскуда нас не одолеет, так другая попытается. Чтобы добраться до дома и до того, что нас ждет, мы должны перебороть их всех. – Эти пламенные слова вызвали одобрительное улюлюканье. – Если пираты к нам сунутся, так сдохнут, но не раньше, чем мы перережем глотки их товарищам и поднимем на их корабле свой флаг. Шторм – это лишь ветер в паруса, и на пути в Амстердам мы оседлаем любые волны.

Под радостные возгласы команды перевернули склянки и ударили в колокол. То был сигнал приняться за работу. Четверо здоровяков принялись крутить кабестан, механизм закрипел, и три якоря «Саардама» поднялись с морского дна. Нужный курс и скорость определили, капитан отдал приказы старшему помощнику и рулевому.

Наконец подняли паруса на грот-мачте, и всеобщее воодушевление сменилось ужасом.

На огромном белом полотнище колыхалось хвостатое око, нарисованное углем.

Все взоры обратились к парусу, так что никто не заметил, как Кресси Йенс схватилась за поручни и краска отхлынула от ее лица.

Никто не заметил, как Зандер Керш захлопнул книгу, открытую на изображении ока с хвостом.

Никто не заметил, как боцман, Йоханнес Вик, коснулся повязки на глазу, будто что-то вспомнил.

И что Арент изумленно смотрит на свое запястье, на шрам, в точности повторяющий форму рисунка на парусе.

Кроуэлс зычно отдавал приказы рулевому, который поглядывал в маленькое отверстие и перекладывал руль, отлаживая курс. Медленно, словно бык, тянущий плуг, «Саардам» набирал скорость, перекашиваясь с волны на волну; соленые брызги омывали палубу.

Матросы разошлись по своим делам, а Аренд все смотрел на странный символ на парусе, уже почти смытый дождем.

Капитан велел проверить, нет ли на парусе прорех и хорошо ли он прошит. Ничего не обнаружив, парус сочли пригодным. Если кому и стало не по себе, они не подали виду. Большинство решили, что это странная шутка или парус загрязнился, пока лежал свернутый.

Аренд с беспокойством провел пальцем по шраму. Под дюжиной более свежих он стал едва различим. Аренд был тогда юнцом, у которого на лице только пробился пушок. Они с отцом ушли на охоту, домой их, как обычно, ожидали к вечеру. Три дня спустя заезжие торговцы подобрали Арента на дороге. С содранной до мяса кожей на руке, промокшего до нитки, будто он искупался, хотя поблизости не было реки, да и дождь не шел. Аренд не мог говорить и не помнил, что случилось с ним и с отцом.

И так и не вспомнил.

Из леса с ним вернулся только этот шрам. Долгие годы

он был его позором. Клеймом. Напоминанием о том, о чем никак не вспоминалось, включая то, как пропал отец.

Почему этот знак появился на парусе?

– Хейс! – окликнул его Якоб Дрехт.

Арент обернулся и, прищурившись, посмотрел на капитана стражи, который придерживал шляпу, чтобы ее не унес усиливающийся ветер.

– Если все еще желаешь говорить с капитаном, он в кают-компании, – сообщил Дрехт; красное перо на шляпе дернулось, будто усик гигантского насекомого. – Я как раз туда, могу представить.

Арент спрятал руку за спину и последовал за Дрехтом на корму корабля.

Он будто заново учился ходить.

Шагал медленно, но палуба качалась под ногами, и его поводило из стороны в сторону. Арент пытался подражать Дрехту, который передвигался на цыпочках, предугадывал движения палубы и балансировал.

«И дерется, скорее всего, так же, – подумал Арент. – Кружит на цыпочках, не останавливаясь. Ты – на него, а он тебя уже сзади со шпагой поджидает».

Удача, что капитан стражи его не заколол.

Удача. Арент терпеть не мог это слово. Признание факта, но не объяснение. На удачу остается полагаться, когда тебя покидают и здравый смысл, и умение.

Ему покамест везло.

В последние несколько лет он начал ошибаться – слишком поздно видел очевидное. Стал медлительнее с возрастом. Впервые в жизни собственное тело казалось ему мешком с камнями, который никуда не денешь. Жизнь на грани промаха, на шаг от опасности. В один прекрасный день убийца подберется к нему, а он не услышит тихой поступи и не заметит тень на стене.

Смерть то и дело играла с ним в монетку, и Арент рисковал. Это казалось безумием даже ему самому.

Давно пора было отойти от дел, но он никому не мог доверить защиту Сэмми. Эта гордыня казалась теперь нелепостью. Сэмми – узник на борту обреченного корабля, и Арент чуть не погиб еще до отплытия из Батавии.

– Я зря вспылил. – Арент схватился за канат, чтобы не упасть. – Поставил тебя в неловкое положение перед солдатами. Прошу прощения.

Дрехт задумчиво сдвинул брови, потом наконец сказал:

– Ты защищал Пипса. Делал то, за что тебе платят. Моя же обязанность – защищать генерал-губернатора и его семью, а для этого мне нужна преданность мушкетеров. Если такое повторится, мне придется тебя убить. Я не могу выглядеть слабым, потому что тогда они не пойдут за мной. Понимаешь?

– Да.

Дрехт кивнул в знак примирения.

Они прошли под широким сводом и спустились в каюту под галфдеком. Она тянулась во всю ширину корабля и уходила вглубь, словно пещера. Вдоль штирборта висели койки с ширмами.

Койка Арента находилась ближе всех к рулевому посту, в маленькой темной нише, которую вертикально пересекали штыри колдерштоков. Положив корабль на курс, рулевой сидел на полу с напарником и играл в кости на порцию эля.

– Откуда вы знаете капитана? – спросил Аренд.

– Генерал-губернатор Хаан плавал на «Саардаме» дважды, – ответил Дрехт, попыхивая трубкой. – Кроуэлс – мастер льстить, мало кто умеет выставить себя в таком выгодном свете, как он. Потому-то генерал-губернатор и выбрал этот корабль для путешествия домой.

Дрехт нырнул в дверь, а Аренд в замешательстве остановился.

Дверь доходила ему только до пояса.

– Пилу принести? – съехидничал Дрехт, но Аренду все же удалось втиснуться в проем.

После полумрака рулевого отделения глаза не сразу привыкли к ослепительному свету. Кают-компания была самым большим помещением на «Саардаме» после трюма. Изогнутые беленые стены, балки на потолке, четыре забранных фигурными решетками окна, из которых виднелась идущая в фарватере «Саардама» шестерка кораблей с раздувающими парусами.

Большую часть каюты занимал огромный стол, заваленный свитками, судовыми журналами и грузовыми манифестами. Сверху лежала карта, по углам прижатая к столу астробией, компасом, кинжалом и квадрантом.

Кроуэлс размечал курс на карте. Аккуратно сложенный камзол висел на спинке стула, а Кроуэлс остался в накрахмаленной до хруста рубашке, белоснежной, будто только что от портного. Да и в целом одет он был дорого.

Аренд никак не мог этого понять. Мореходство – грязная работа. Корабль в море – это смола, ржавчина, копоть и сажа. Одежда пропитывается потом, покрывается пятнами, рвется. Офицеры занашивали мундиры до дыр и с неохотой облачались в новые. Зачем тратить на изящное платье, которое не переживет плавание? Такая легкомысленность была в духе богачей, но кто из знати опустится до такой работы? Да и любой другой.

Карлик, который распределял пассажиров по местам, теперь стоял на стуле, упершись ладонями в стол, и изучал судовой журнал, в котором перечислялись запасы провианта. Опущенные уголки губ и нахмуренное чело свидетельствовали о том, что чтение было не из приятных. Он похлопал капитана по руке, привлекая его внимание к источнику своего недовольства.

– Это старший помощник Исаак Ларм, – прошептал Дрехт, проследив за взглядом Аренда. – Управляет командой, а для этого нужен мерзкий нрав. Держись от него по-

дальше.

Когда они вошли, Кроуэлс поднял взгляд от судового журнала и посмотрел на мастера-негоцианта Рейньера ван Схотена, который развалился на стуле, закинув ноги на соседний и потягивая вино из глиняной бутылки. Унизанная перстнями рука покоилась на круглом пузе, напоминающем валун на дне оврага.

– И как я прокормлю триста душ, если провизии загружено на сто пятьдесят? – грозно спросил капитан.

– На «Леувардене» есть запасы провизии, – лениво ответил ван Схотен, у которого от вина начал заплетаться язык. – Съедем свою, будет место, чтобы загрузить новую.

– А если потеряем «Леуварден» из виду? – спросил старший помощник с сильным немецким акцентом, напомнившим Аренту о холодных зимах и густых лесах.

– Громко покричим? – предложил ван Схотен.

– Сейчас не время для... – начал Ларм.

– Урежем паек и пополним провиант на мысе Доброй Надежды, – перебил его ван Схотен, почесывая длинный нос.

– Половинный паек? – спросил Кроуэлс, кладя перед собой другой журнал, тоже содержащий сведения о продовольствии на борту.

– Четвертной, – ответил ван Схотен.

Капитан бросил на него мрачный взгляд.

– Почему мы вышли в море с недостаточным запасом продовольствия? – сердито спросил старший помощник.

– Нужно было место для груза генерал-губернатора, – ответил ван Схотен.

– Для сундука, который втащили на борт мушкетеры? – неуверенно спросил Ларм. – Вос приказал освободить место в пороховом погребе.

– Тот сундук – не единственный груз, – раздраженно ответил Кроуэлс. – Был груз еще крупнее. Его доставили под покровом ночи, и ван Схотен не говорит, что в нем.

Ван Схотен снова хлебнул вина.

– А вы сами спросите генерал-губернатора, посмотрим, что он вам ответит.

Оба зло зыркнули друг на друга. Воздух словно бы раскалился от неприязни.

Якоб Дрехт кашлянул и указал на Арента:

– Капитан Кроуэлс, разрешите представить...

– Я хорошо знаю, кто это, слышан о его приключениях, – перебил Кроуэлс и повернулся к Исааку Ларму. – Что там с каютами? Где мне спать, раз генерал-губернатор занял мои покои?

– На корме по левому борту. Каюта два.

– Терпеть ее не могу Прямо под хлевом на юте. Стоит кому-то подойти, как свиньи начинают визжать и проситься на волю. Давай лучше каюту в носу по правому борту.

– Ту я занял. – Мастер-негоциант потряс опустевшей бутылкой и разочарованно заглянул внутрь.

– Ага, потому что это – моя любимая каюта, и ты это зна-

ешь! – прорычал Кроуэлс; на мощной шее вздулись жилы. – Жалкий ты негодяй, Рейньер.

– Негодяй или нет, зато не буду просыпаться от поросычьего визга, – любезным тоном заключил ван Схотен и помахал бутылкой. – Эй, стюард, у меня вино кончилось.

– Кто еще у нас в каютах? – спросил капитан, не обращая на него внимания.

Старший помощник отыскал в журнале список пассажиров первого класса. С трудом прочитал имена, водя по строчкам грязным пальцем:

– Корнелиус Вос, Кресси Йенс. Ее сыновья Маркус и Осберт. Сара Вессел. Лия Ян. Виконтесса Дилвахен.

– Кого-нибудь переселить можем? – спросил капитан.

– Они все люди знатные, – ответил старший помощник.

– Что змеи в чертовых клетках, – вздохнул Кроуэлс, постукивая костяшками пальцев по столу. – Значит, проживу со свиньями.

Он впервые за все это время глянул на Арента, но тут же обернулся на звук клацающей клюки и неровных шагов в коридоре. В дверном проеме за спиной стоял старик и смотрел на присутствующих так, словно они грязь из-под колес телеги. У него были впалые щеки, седые волосы и глаза с пожелтевшими воспаленными белками. Рваная лиловая ряса висела на тощем теле, на шее болтался огромный крест. Казалось, на ногах он держится только благодаря треснутой клюке.

На вид ему было лет семьдесят, но вдали от Амстердама легко ошибиться. Тяготы путешествия в Ост-Индию старили на десяток лет, а дальше свое дело делали нескончаемые тропические хвори, после которых оправиться полностью не удавалось.

Никто еще не вымолвил ни слова, как вслед за стариком появилась коренастая девушка-островитянка. Скорее всего, из народности мардейкеров. Рабыня-христианка, освобожденная Ост-Индской компанией. Она была одета по-крестьянски в свободную холщовую рубаху; курчавые каштановые волосы убраны под белый чепец, длинная парусиновая юбка волочилась по полу. Передник на ней промок, а плечо оттягивала большая сумка, но девушка, похоже, не замечала ее тяжести.

У нее было круглое лицо, пухлые щеки и большие внимательные глаза. Она не проявила почтения к присутствующим и не удостоила их приветствием, просто смотрела на своего спутника в ожидании, когда он заговорит.

– Могу я поговорить с вами, капитан Кроуэлс? – обратился старик к капитану.

– Только вас не хватало, – кисло проворчал капитан, глядя на расщепленный крест. – Кто вы?

– Зандер Керш, – ответил старец. Голос его прозвучал твердо, хотя сам он дрожал от немоги. – А это – моя воспитанница Изабель.

Солнце занырнуло за облака, в каюте потемнело.

Ван Схотен повернулся к старику и вульгарно осклабился:
– Воспитанница? И сколько сейчас такая стоит?

До Изабель, очевидно, не дошел смысл его слов, поскольку она изогнула бровь и непонимающе посмотрела на Зандера.

Тот, сузив глаза, оглядел ван Схотена; во взгляде его будто горел огонь, сошедший с небес.

– Как же далеки вы от Господа, – наконец промолвил он. – Что погрузило вас в такую тьму, сын мой?

Ван Схотен побледнел, потом раздраженно махнул рукой:

– Уйди, старик, пассажирам сюда нельзя.

– Меня привел сюда Господь, и не вам меня отсылать. – В его словах слышалась такая убежденность, что даже Арент поверил.

– Вы пастор? – вмешался в разговор Исаак Ларм, кивая на крест.

– Верно, карлик.

Старший помощник опасливо уставился на старика, а капитан схватил со стола круглый железный жетон, подбросил его и поймал.

Арент переступил с ноги на ногу, подавляя два противоположных желания: спрятаться и сбежать. Его отец тоже был священником, из-за чего это ремесло у Арента невольно ассоциировалось с чем-то недобрым.

– Вряд ли вы здесь встретите теплый прием, Зандер Керш, – сказал капитан Кроуэлс.

– Господь проклял Иону за то, что тот пустился в плавание супротив Его веления, и теперь моряки считают, что священники приносят неудачу. – Тон Зандера предполагал, что такое предостережение он слышит не впервые. – Я не терплю суеверий, капитан. Судьба каждого предначертана Богом задолго до рождения. Если кораблю суждены испытания, то лишь потому, что Господь решил сжать длань, в коей Он несет судьбу его. И я приму Его волю со смирением.

Изабель что-то пробормотала в знак согласия; судя по восторгу на ее лице, она не мнила участи лучше, чем пойти ко дну с именем Господа на устах.

Кроуэлс запустил жетон в воздух и снова поймал.

– Если вы пришли пожаловаться на то, как вас разместили...

– Я не ропщу на неудобства, мои нужды скромны, – заявил священник, явно оскорбленный этим предположением. – Я желаю обсудить ваш приказ, запрещающий проходить дальше грот-мачты.

Кроуэлс посмотрел на него усталым взглядом.

– Часть корабля спереди грот-мачты – владения матросов, а позади – старших офицеров и пассажиров. Остальные могут туда зайти, только если там работают, – пояснил он. – Ослушавшийся матрос будет высечен. А пассажир – окажется во власти команды. И так на каждом корабле. Даже я не всегда решаюсь заходить на ту половину.

Пастор недоуменно наморщил лоб:

– Вы боитесь своих людей?

– Да они перережут вам глотку за дармовое пойло и изнасилуют вашу воспитанницу у вашего неостывшего трупа, – перебил его Рейньер ван Схотен.

Он явно хотел шокировать святого отца, но тот лишь спокойно посмотрел на него, а Изабель покрепче сжала лямку сумки. По ее лицу невозможно было понять, что она думает.

– Страх – удел неверующих, – произнес Зандер. – На меня возложена святая обязанность. Я должен выполнить свое предназначение, и Бог защитит меня.

– То есть вы хотите пойти на половину команды? – уточнил Исаак Ларм.

– Да, карлик, чтобы сеять Слово Божие.

Ларм вскинул голову:

– Да вас убьют.

– Если того желает Господь, я встречу кончину с радостью.

«Не лукавит, – подумал Арент. – Нисколько».

Ему доводилось встречать религиозных фанатиков и тех, кто притворяется таковыми. За истинное богоугодие приходилось платить страшную цену. Лишь Господь воспламенял души истинных верующих, лишь Он согревал и направлял их. Весь прочий мир для них тонул в серой мгле, и они торжественно несли ему Божественное пламя. Зандер Керш изрекал каждое слово так, будто высекал искру из кремня.

Между Кроуэлсом и Лармом произошёл бессловесный

разговор: один слегка дернул головой, другой поджал губы и пожал плечами. К такому языку обычно прибегают те, кого объединяет опасное дело. Арент так же общался с Сэмми.

Пастор устремил взгляд на капитана Кроуэлса:

– Так вы позволите мне исполнять служение на всем корабле?

Кроуэлс снова подбросил в воздух жетон, но тут же его поймал и с досадой положил на стол.

– Позволяю. Но не одобряю. И только вам, но не вашей воспитаннице. Еще не хватало бунта на корабле из-за похоти.

– Капитан... – начала было девушка.

– Изабель! – строго осадил ее Зандер. – Мы получили то, за чем пришли.

Она гневно посмотрела на одного, потом на другого, по выражению ее лица было ясно, что она-то не получила то, за чем пришла. Раздраженно закусив губу, она покинула каюту.

Зандер Керш поковылял за ней, опираясь на клюку.

– Какая нежданная неприятность. – Кроуэлс потер лоб. – А тебе, ловец воров, что от меня надо?

Это обращение разозлило Арента. Сэмми терпеть не мог, когда его так называли. Говорил, что это занятие для буянов и подзаборного сброда, который только и может, что кулаками махать. Он предпочитал, чтобы его называли расследователем, – он сам придумал себе это звание и стал умельцем, за труды которого короли готовы были отдать все свои со-

кровища.

– У вас на корабле служил хромоногий плотник?

– Да, Боси. Знал тут каждый гвоздь и дощечку. Сошел на берег и не вернулся. Почему, интересно?

– Сэмми Пипс считает, что он был тем прокаженным в гавани.

Исаак Ларм вздрогнул, но сделал вид, что сворачивает карту, и слез со стула.

– Надо проверить скорость, капитан.

– Отбери там эль у рулевого, – сказал тот угрюмо.

Арент проводил взглядом Ларма, решив поговорить с ним позже, когда выведает у капитана все, что нужно.

– Не знаете, за что Боси ополчился на «Саардам»? – спросил Арент.

– Перестал ладить с командой, но почему – не знаю. Капитану приходится держаться на расстоянии от матросов, иначе послушания от них не добьешься. Ларм больше знает.

– В гавани Боси говорил, что у него есть хозяин. Вам известно об этом?

– В моей команде сто восемьдесят матросов, Хейс. Вам повезло, что мне вообще известно имя плотника. Честно, вам нужен Ларм. Он лучше знаком с этим отребьем. – Капитан терял терпение. – Еще что-нибудь? У меня полно хлопот.

– Мне нужно разрешение на разговор с констеблем в пороховом погребе, – сказал Арент.

– Зачем?

– Сэмми Пипс беспокоится, как бы не взорвали порох.

– Разумно, – проворчал капитан и кинул жетон Аренту. Тяжелый, с выгравированной на нем двуглавой птицей. Его можно было бы принять за печать, если бы не отверстие посредине. – Покажите это констеблю в качестве разрешения, – сказал капитан.

– Одну минуту. – Рейньер ван Схотен картинно поднялся с кресла и подошел к столу. Там он взял перо из чернильницы и накорябал какие-то цифры на листке бумаги. – Я – мастер-негоциант, доверенное лицо генерал-губернатора, и ни одну дверь вам не откроют, пока я не велю иначе. К сожалению, я не могу исполнить то, что вы просите, пока существует невыплаченный долг. – Он присыпал написанное угольным порошком и протянул листок Аренту.

– Что это? – Арент недоумевающе посмотрел на него.

– Счет, – просиял ван Схотен.

– Счет?

– За бочонок.

– Какой еще бочонок?

– С пивом, который вы разбили в порту, – ответил Схотен, будто ответ был очевиден. – Это собственность Компании.

– Выставляете мне счет за то, что я прекратил страдания несчастного? – с недоверием переспросил Арент.

– Тот человек не был собственностью Компании.

– Он горел.

– Радуйтесь, что пламя не принадлежало Компании, –

произнес ван Схотен все тем же раздражающе рассудительным тоном. – Сожалею, лейтенант Хейс. По правилам Компании мы не вправе оказывать вам услуги, пока не будут урегулированы долги.

Кроуэлс выхватил листок из руки Арента и, сунув его под нос мастеру-негоцианту, рявкнул:

– Хейс пытается помочь, бессовестный ты негодяй. Да что с тобой стало за эти две недели? Тебя будто подменили.

Выражение лица Схотена на миг сделалось неуверенным, но тут же сменилось на высокомерное.

– Возможно, если бы он сначала пришел ко мне, мы могли бы обойтись без этой неприятной сцены, но... – Он пожал плечами. – Что вышло, то вышло. Мои полномочия требуют...

– Твои полномочия воды морской не стоят! – раздался голос из соседней двери. Там стоял багровый от злости генерал-губернатор. – Как ты смеешь обращаться с лейтенантом Хейсом с таким неуважением? – презрительно процедил он сквозь зубы. – Отныне будешь обращаться к нему «господин лейтенант» и оказывать ему такое же почтение, что и мне, иначе я велю Дрехту отрезать тебе язык. Понял?

– В-ваша милость, – запинаясь, проговорил ван Схотен, глядя то на Арента, то на генерал-губернатора и отчаянно пытаясь сообразить, что их связывает. – Я... я... никоим образом не хотел...

– Меня не волнует, что ты хотел, – огрызнулся генерал-гу-

бернатор и махнул ван Схотену рукой, давая понять, что разговор окончен. Потом с улыбкой взглянул на Арента и указал на свою каюту. — Заходи, племянник. Пора поговорить.

Генерал-губернатор занял каюту капитана. Она была вдвое больше остальных, и в ней имелся собственный галлюн. На кровати лежали меха, на полу – ковер. На стенах висели картины, изображающие сцены из жизни генерал-губернатора, включая осаду Бреды⁴.

Арент тоже был на этой картине. Залитый кровью великан выносил с поля боя раненого дядю, одной рукой отбиваясь от орды испанских солдат. На самом деле все было не так, но Аренту все равно чуть не поплохело от воспоминания. Чтобы выбраться из стана врага, им приходилось прятаться под трупами и, задержав дыхание, ползти по навозным кучам. Понятно, почему на картине все изобразили по-другому. Такое маслом не напишешь.

Изможденный слуга перекладывал одежду из сундука в ящики, а Корнелиус Вос – гофмейстер генерал-губернатора – аккуратно расставлял на полке футляры со свитками. Арент даже не сразу заметил его – блеклые волосы и коричневая одежда сливались с деревянными переборками.

– Я ценю вашу помощь, дядя, но я сам могу постоять за себя, – заметил Арент, закрывая дверь.

– Связываться с ним было бы ниже твоего достоинства. –

---

⁴ *Бреда* – портовый город в Нидерландах, который был осажден испанскими войсками в ходе Восьмидесятилетней войны и пал в 1625 году.

Ян Хаан гневно махнул рукой в сторону кают-компаний. – Рейньер ван Схотен – жалок, продажен и алчен. Меня даже слегка разочаровывает то, что в Компании нашлось место такому.

Арент пристально посмотрел на дядю. Они не виделись с тех пор, как месяц назад Арент с Сэмми прибыли в Батавию. Тогда они плотно поужинали и выпили немало вина, а потом предавались воспоминаниям, поскольку не встречались одиннадцать лет.

Дядя не так уж изменился за эти годы. Разве что ястребиный профиль еще больше заострился да на макушке солнцем выжгло плешь. Самая значительная перемена произошла с его фигурой. Он утратил жирок – признак богатства – и стал худым, словно уличный попрошайка.

Пугающе худым. Похожим на остро заточенный клинок. Который гнется, но не ломается. Возраст ли так его подточил или тревожные и тягостные раздумья? Грудь дяди плотно облегла блестящая кираса. Хотя и ладно сработанная, она все равно, должно быть, вызывала неудобство. Даже военачальники, возвращаясь после сражения в шатер, снимали доспехи. Дядя, похоже, не собирался разоблачаться.

Генерал-губернатор поглядел за спину племянника. Капитан стражи Дрехт терпеливо ждал распоряжений, почтительно прижав шляпу к груди.

– У вас такой вид, Дрехт, будто вы на моих похоронах. Что вам нужно?

– Разрешение перевести часть мушкетеров на другой корабль. Мы их поселили везде, где только можно, но на «Сардаме» места все равно не хватает.

– Сколько их на борту?

– Семьдесят.

– И сколько вы хотите переместить?

– Тридцать.

– Что скажете, Вос? – спросил Ян.

Тот оглянулся, быстро перебрал в воздухе пальцами, заляпанными чернилами.

– Оставшегося количества хватит для вашей защиты, а дополнительный паек не помешает. Так что ничего не имею против, – подытожил он и вернулся к своему занятию.

– Тогда разрешаю, капитан стражи, – сказал генерал-губернатор. – А теперь извините, господа, я бы хотел поговорить с племянником наедине. Нам многое нужно обсудить.

С сожалением глянув на кучку нерасставленных свитков, Корнелиус Вос вслед за Якобом Дрехтом удалился в кают-компанию и закрыл за собой дверь.

– Любопытный тип, – заметил Арент.

– Лучше всех управляется с цифрами, но разговаривать с ним все равно что с деревянным истуканом, – сказал генерал-губернатор, пробегая пальцами по бутылкам на винной полке. – Зато преданный. Как и Дрехт, а это сейчас в большой цене. Выпить хочешь?

– Это ваша знаменитая коллекция вин?

– Только та ее часть, которая здесь поместилась, – ответил Ян. – Есть французское вино, с удовольствием тебя угощу, хотя, может, ты и вкуса-то не распробуешь.

– С удовольствием угощусь.

Ян достал бутыль, стер с нее пыль. Вытащил пробку, наполнил две кружки и протянул одну Аренту.

– За семью, – провозгласил он, поднимая кружку.

Арент звякнул по ней своей кружкой, и они с удовольствием выпили, смакуя вкус.

– Я пытался увидеться с вами, когда солдаты забрали Сэмми, но меня даже в форт не пустили. – Арент попытался скрыть обиду в голосе. – Сказали, что вы сами вызовете меня, когда будет время, но так и не вызвали.

– Я струсил. – Генерал-губернатор смущенно опустил взгляд. – Избегал тебя.

– Почему?

– Боялся, что если тебя увижу... Боялся того, что буду вынужден сделать...

– Дядя?

Генерал-губернатор поболтал вином в кружке, задумчиво глядя на темно-красную жидкость, будто она сейчас откроет ему некую истину. Потом со вздохом посмотрел на Арента и тихо произнес:

– Теперь, когда ты стоишь передо мной, я понимаю, что верность семье важнее, чем верность Компании. Признайся, ты знал, чем занимался Сэмюэль Пипс?

Арендт открыл рот, но генерал-губернатор предостерегающе махнул рукой.

– Знай, с моей стороны не последует обвинений, – сказал он, сверля Арендта взглядом. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить тебя, но я должен знать, назовет ли Сэмюэль Пипс тебя... сообщником, когда предстанет перед Советом семнадцати. – Он помрачнел. – Если да, необходимо принять меры предосторожности.

Арендт не имел представления, что означают эти меры, но ему уже чудилось нечто кровавое.

– Дядя, я никогда не видел, чтобы он занимался какими-нибудь тайными делишками, – с напором сказал Арендт. – Никогда. Он даже не знает, в чем его обвиняют.

– Знает, – фыркнул генерал-губернатор.

– Вы уверены? Он лучше, чем вы думаете.

Генерал-губернатор подошел к окну и встал спиной к племяннику. Всего час в море, а флотилия уже рассредоточилась, белые паруса убегали все дальше от темных муссонных туч.

– Я похож на глупца? – резко спросил генерал-губернатор.

– Нет.

– Может, тогда на сумасброда? Или спесивца?

– Нет.

– В Компании, которой мы все служим, Пипса считают героем. Он – любимчик Совета семнадцати. Я бы не заковал его в кандалы, не обращался бы с ним столь неуважительно,

если бы у меня был выбор. Поверь мне, наказание соответствует преступлению.

– И какое преступление он совершил? – сердито спросил Арент. – К чему такая таинственность? Почему бы не сказать прямо?

– Потому что, когда ты предстанешь перед Советом семнадцати, твоей лучшей защитой станет неведение, – сказал генерал-губернатор. – В твою невиновность поверят. Да и как можно не поверить? В Совете знают, насколько вы с Пипсом близки. Знают, что он тебе доверяет. Просто так они не поверят в то, что тебе ничего не известно. А искреннее возмущение и непонимание склонят их на твою сторону.

Арент взял бутыль с вином, снова наполнил кружки и тоже подошел к окну.

– До суда восемь месяцев, дядя. Но, защищаясь от клинка, можно не заметить пику. Сэмми считает, что корабль в опасности.

– Ну разумеется. И надеется выторговать себе свободу.

– Прокаженный заговорил без языка и взобрался на ящики с искалеченной ногой. Одно это достойно внимания Пипса. А кроме того, на парусе появился знак.

– Какой знак?

– Око с хвостом. Такое же, как шрам у меня на запястье. Который появился после исчезновения отца.

Неожиданно дядя весь обратился во внимание. Он подошел к столу, взял перо из чернильницы, нарисовал знак на

листке бумаги.

— Такой? — требовательно спросил он, протягивая Аренту листок, с которого капали чернила. — Уверен?

Сердце Арента громко заколотилось.

— Уверен. Как он мог там оказаться?

— Что ты помнишь о времени после исчезновения отца? Помнишь, почему за тобой приехал дедушка?

Арент кивнул. После того как он вернулся с охоты один, его начали сторониться. Сестры обращались с ним презрительно, и даже мать держалась на расстоянии, поручая заботу о нем прислуге. Его отца все ненавидели, но никто не радовался тому, что он пропал. Как и тому, что Арент вернулся. Вслух такого не говорили, но было ясно, в чем его обвиняют. Все считали, что он выстрелил отцу в спину из лука, а потом притворился, что потерял память.

Вскоре все поверили в эти слухи. Они распространились среди паствы отца и настроили всех против Арента.

Взрослые злословили за его спиной, а дети шептали гнусности всякий раз, когда он куда-то шел. Затем односельчанин раскричался после мессы: мол, за мальчишкой повсюду следует дьявол.

Дрожа от страха, Арент жался к матери, но она лишь смотрела на него с тем же отвращением, что и все.

Как-то глухой ночью он улизнул из дома и вырезал знак в форме шрама на двери того односельчанина. Он уже не помнил, зачем это сделал и почему поддался темному порыву.

Никто и не понял бы, что это за знак, просто Арент увидел в нем что-то зловещее. Его он пугал, значит напугает и других.

На следующее утро проклинали уже того односельчанина без суда и следствия, мол, дьявол приходит к тому, кто поминает его имя.

Торжествуя оттого, что замысел удался, Арент совершил такую же вылазку следующей ночью, потом еще и еще и вырезал знак на дверях всех обидчиков, а потом наблюдал за тем, как они становились мишенью для подозрений и страха. Эта пустяшная затея была его единственным оружием, единственной посильной местью.

Знак был шалостью, но для жителей деревни он стал реальным воплощением всех страхов. Вскоре каждый меченый дом сожгли, а обитателей изгнали из деревни. Арент пришел в ужас от того, что натворил, и прекратил ночные вылазки, но метка продолжала появляться, разжигая старую вражду и воспламеняя новую. Несколько месяцев деревню лихорадило от раздоров, люди обвиняли друг друга, пока наконец не нашли козла отпущения.

Старого Тома.

Арент напрягся, припоминая. Старый Том был прокаженным? Поэтому его ненавидели?

Вспомнить не удалось.

Да и не важно. В отличие от Арента, Старый Том был нищим и не имел ни влиятельных родственников, ни крепких стен, за которыми можно спрятаться. И уж конечно, не был

демоном, хотя и вел себя всегда странно: сидел на одном месте на базаре да просил милостыню и в дождь, и в солнце, и в снег. Бормотал что-то и слыл безобидным чудаком.

В один из дней его окружила толпа. Накануне в деревне пропал мальчик, и ребятня утверждала, что его куда-то увел Старый Том. Сельчане проклинали его и требовали признаться в содеянном. Он не признался – просто не понял в чем, – и его забили до смерти.

Даже дети участвовали в расправе.

Больше метки на дверях не появлялись.

Сельчане порадовались, что дьявол изгнан из их домов, и стали веселы и дружелюбны друг с другом, будто ничего не случилось.

Спустя неделю прибыл дед Арента, Каспер ван ден Берг, в карете. Забрал Арента у матери и увез в свое имение во Фрисландии⁵, на другом конце страны. Аренту он сказал, что пятеро сыновей его разочаровали и ему нужен наследник. Но они оба знали, что его позвала мать Арента. Она знала и про шрам, и про метки, которые он рисовал на дверях.

И боялась его.

– После того как тебя увезли во Фрисландию, до нас доходили слухи, что странный символ распространился по всей стране. – Генерал-губернатор поднес листок с ненавистным изображением к свече и продолжил, глядя, как оно скукоживается в огне: – Сначала его заметили на стволах деревьев в

---

⁵ Фрисландия — провинция на севере Нидерландов.

лесу. Потом в деревнях и, наконец, на тушках дохлых кроликов и свиней. И каждый раз случалась какая-нибудь беда. То посевы погибнут, то телята мертвые рождаются. Дети пропадали. Это продолжалось почти год. В конце концов разъяренные толпы стали нападать на дома знатных землевладельцев и винить их в сговоре с темными силами.

Пламя свечи доползло до пальцев генерал-губернатора, и он выбросил обгоревший листок из окна в море.

– Почему вы мне об этом не рассказывали? – с упреком спросил Арент и поглядел на шрам; едва заметный, он ощущался под кожей и будто стремился проявиться на поверхности.

– Ты был мал. – Лицо генерал-губернатора озарил свет свечи, и стало ясно, что к нему вернулся давний страх. – Не твоей это было заботой. Мы предполагали, что кто-то из служителей дьявольского культа напал на вас в лесу, убил твоего отца, а тебя отметил шрамом, совершив некий гнусный ритуал, который на тебя не подействовал. Поговаривали, что какой-то охотник за ведьмами из Англии, где его орден борется с этим культом долгие годы, продолжал гоняться за символом по всему миру, утверждая, что все это происки дьявола, и намеревался очистить землю от его последователей, истребить прокаженных и сжечь ведьм, которых порождает культ.

«Прокаженных, – подумал Арент. – Как Боси».

– Несколько месяцев по всей Фрисландии пылали костры,

пока наконец дьявол не был изгнан отовсюду, – продолжал дядя. – Твой дед опасался, что охотник за ведьмами решит, будто ты – один из этих слуг дьявола, поэтому он тебя спрятал. – Лицо дяди омрачилось, кружка с вином в руке задрожала. – То было ужасное время. Дьявол взял в свои когти многих могущественных людей и увлек их на путь порока. Несколько старейших семейств не удалось спасти. Их полностью поработило зло.

Генерал-губернатор задумчиво постучал ногтями по кружке. Заостренные по старой моде, они создавали жутковатое впечатление. И напомнили Аренту когти. Будто дядя медленно превращался в хищную птицу, на которую всегда был похож.

– Арент, ты должен знать еще кое-что. Тот охотник за ведьмами сообщил, что дьявол зовет себя Старым Томом.

У Арента подогнулись ноги, он схватился за стол.

– Старый Том был уличным попрошайкой, – возразил он. – А сельчане его убили.

– Или случайно нашли виновника. Если кидать камни куда попало, рано или поздно попадешь, куда нужно. – Генерал-губернатор покачал головой. – Какой бы ни была правда, все это произошло почти тридцать лет назад, с чего бы метке появляться сейчас? Причем на другом конце света. – Он обратил взгляд темных глаз на Арента. – Ты ведь знаешь мою метрессу Кресси Йенс?

Арент покачал головой, смущенный неожиданным вопро-

сом.

– Ее муж и был охотником за ведьмами, который спас страну. Человеком, от которого мы тебя прятали. Через него я и познакомился с Кресси. Если он посвящал ее в свою работу, она может знать что-то о Старом Томе, почему он угрожает кораблю и что означает твой шрам.

– Если вы верите, что нам угрожает опасность, разве не разумнее вернуться в Батавию?

– То есть отступить? – Генерал-губернатор презрительно фыркнул. – В Батавии почти три тысячи душ, а на корабле меньше трехсот. Здесь Старого Тома легче поймать. Займись этим, Арент, ради меня. – Заметив, что Арент собирается возразить, он добавил: – Располагай всем, что нужно, лишь не проси освободить Пипса.

– Я не умею делать то, что делает он.

– Ты спас меня из окружения, – возразил генерал-губернатор.

– Я не надеялся спасти вас. Я отправился на верную смерть.

– Но зачем?

– Не смог бы жить с чувством вины за то, что не попытался.

Расчувствовавшийся от огромной любви к племяннику, генерал-губернатор отвернулся.

– Зря я рассказывал тебе в детстве про Карла Великого, – сказал он. – Мои сказки отравили тебе ум. – Генерал-губер-

натор принялся перебирать бумаги на столе, чтобы скрыть неловкость, которую вызывали в нем любые чувства, не относящиеся к денежной прибыли. – Ты прослужил Пипсу пять лет, – заметил он, когда все документы были аккуратно сложены. – И видел, как он действует.

– А еще – как белки бегают по деревьям, но сам не научился. Если хотите спасти корабль, нужно освободить Сэмми.

– Хотя я тебе не кровный дядя, но остро чувствую наше родство. Ты вырос на моих глазах, я знаю, на что ты способен. Дед выбрал тебя своим наследником в обход пяти сыновей и семи внуков. И не удостоил тебя этой чести только потому, что ты сглупил.

– Сэмми Пипс не просто умен, – возразил Арент. – Он может заглянуть за пределы видимого. Его талант не постичь. Поверьте, я пытался.

Перед мысленным взором Арента возникло лицо бедного Эдварда Койла, вызвав привычное чувство стыда.

– Я не освобожу его, Арент. – На лице генерал-губернатора появилось странное выражение. – Не могу. Скорее допущу, чтобы корабль потонул вместе с ним. – Он осушил кружку и с грохотом опустил ее на стол. – Если Старый Том на корабле, никто, кроме тебя, не сможет его поймать. Судьба «Саардама» в твоих руках.

Арент смотрел на дядю, и ему все больше становилось не по себе. Он не ожидал, что задача полностью ляжет на его плечи. Не сомневался, что дядя уступит из любви к нему, но эта любовь теперь обрекала их на смерть.

Ян Хаан всегда безоговорочно верил в его способности. В детстве он учил его фехтованию и выставлял против него взрослых соперников. Сначала одного, потом двоих, потом троих и четверых. Вся прислуга сбегалась поглазеть на эти упражнения.

Когда в юношеские годы звяканье шпаг сменилось щелканьем счетов, Каспер по настоянию Яна отправлял Арента торговаться с самыми ушлыми купцами, которые облапошили бы его подчистую, если бы он зазевался.

Ослепленный давними успехами племянника, дядя теперь вел их к провалу, поскольку считал, что никто не защитит «Саардам» лучше Арента.

– Мне нужно будет советоваться с Сэмми, – предпринял последнюю попытку Арент.

– Говорите через дверь.

– Неужели нельзя хотя бы перевести его в каюту? – возмущался Арент, ненавидя себя за униженный тон. – Разве он этого не заслужил?..

– Каюты заняты моей семьей. – Сухой тон генерал-губер-

натора граничил с оскорбительным.

Арент попробовал зайти с другой стороны:

– Но без свежего воздуха и прогулок его погубят хвори. Задолго до прибытия в Амстердам.

– Значит, так ему и надо.

Арент скрипнул зубами, теряя терпение от дядиного упрямства.

– А в Совете семнадцати не станут возражать? – с напором спросил он. – Не захотят ли они прежде выслушать обвинения и вынести свой вердикт?

Эти слова слегка поколебали уверенность генерал-губернатора.

– Разрешите хотя бы прогулку, – продолжал Арент, почувствовав слабинку в дядиной обороне. – Пассажиры кубрика и то выходят на палубу дважды в день. Он мог бы гулять с ними.

– Нет, я не позволю ему распространять свое порочное влияние.

– Дядя...

– В полночь, – отрезал тот. – Выводи его на прогулку в полночь. – И прежде чем Арент вновь начал бы возражать, строго закончил разговор: – И больше не испытывай мое терпение. Я и так уже уступил более, чем собирался, и только потому, что просишь за него ты.

– Я благодарен вам, дядя.

Очевидно досадуя на самого себя, генерал-губернатор

хлопнул в ладоши:

– Позавтракаешь со мной?

– Разве вы не идете на ужин к капитану?

– Предпочитаю ложиться спать до заката и вставать до рассвета. Так что к тому времени, когда капитан будет принимать у себя жеманных идиотов и воинствующих дураков, я уже буду спать.

– Тогда до встречи за завтраком, – согласился Арент. – Но я был бы признателен, если бы имя моей семьи сохранили в тайне.

– Расхаживаешь в лохмотьях, а стыдишься имени?

– Не стыжусь, дядя, – возразил Арент. – Просто имя бежит впереди меня. Спрямяет дорогу, а я хочу идти окольными путями.

Генерал-губернатор с обожанием оглядел племянника:

– Из необычного мальчишки вырос исключительный мужчина. – Дядя резко выдохнул. – Будь по-твоему, я никому не скажу твоего настоящего имени. А ты молчи о своем прошлом. Пипс знает про шрам и отца?

– Нет. Дедушка заставил меня поклясться, что я буду молчать о том, что произошло в лесу, и я усвоил урок. Я ни с кем не говорю об этом. И почти не думаю.

– Хорошо. Не рассказывай никому, даже Кресси Йенс. Она хоть и незаурядная, но женщина. Сразу думает о самом плохом. – Он постучал пальцем по столу. – Совсем не хочется, но пора приниматься за дела. – Он открыл дверь; там

стояли и о чем-то разговаривали Корнелиус Вос и капитан стражи Дрехт. – Вос, проводите моего племянника к Кресси Йенс. Скажите ей, что под этой внешностью скрывается прекрасная душа и что он пришел к ней побеседовать по моему поручению.

– Я бы хотел сначала осмотреть пороховой погреб, – воспротивился Арент. – Надо узнать, с какой стороны нанесет удар тот, кому служил прокаженный.

– Весьма разумно, – согласился генерал-губернатор. – Вос, проводите моего племянника в пороховой погреб, и пусть констебль ответит на его вопросы. – Он наклонился к гофмейстеру и прошептал ему на ухо: – А после пришлите ко мне Кресси Йенс.

– Благодарю, дядя. – Арент почтительно кивнул.

Ян Хаан заключил его в объятия.

– Не доверяй Пипсу, – прошептал он. – Он не тот, кем ты его считаешь.

Корнелиус Вос повел Арента через рулевое отделение вниз под галфдек. Шел он мерными шагами, прижав руки к бокам, будто не хотел занимать лишнего места.

– Признаюсь, я полагал, что знаю все ветви родословного древа моего господина вплоть до дальних предков. – Вос говорил медленно, будто сдувал пыль с каждого слова, прежде чем оно покинет его уста. – Прошу прощения, что не признал в вас его родственника. – В его голосе прозвучало искреннее раскаяние.

В точности как старые слуги дедушки Арента. Всю свою жизнь они служили хозяйскому семейству и гордились этим. Если бы деду вздумалось надеть на них ошейники, они бы и их отполировали до блеска.

— Я не кровный родственник Хаанам, генерал-губернатор называет меня племянником в знак привязанности, — пояснил Арент. — Его земли во Фрисландии граничат с владениями моего деда. Они близкие друзья и воспитывали меня вместе.

— Кто же тогда ваша семья?

— Этот вопрос я предпочитаю не обсуждать, — ответил Арент, убедившись, что их никто не слышит. — Буду признателен, если вы никому не скажете о том, какое отношение я имею к генерал-губернатору.

— Разумеется, — холодно ответил Вос. — Я бы не занимал этой должности, если бы не умел хранить секреты.

Арент улыбнулся в ответ на недовольство Воса. Тот явно недоумевал, как можно добровольно отказаться от такой привилегии, как дружба с генерал-губернатором.

— Расскажите о себе, Вос, — попросил Арент. — Как вы попали на службу к дяде?

— Он меня разорил, — беззлобно ответил Вос. — Я был торговцем, но моя фирма стала конкурировать с фирмой генерал-губернатора. Он распустил обо мне непристойные слухи, загубил мое дело, а после предложил мне пост гофмейстера. — В его голосе слышалась теплота, будто он вспоминал

о прекрасно проведенном Рождестве.

– И вы согласились? – ошеломленно спросил Арент.

– Разумеется. – Вос непонимающе сдвинул брови. – Это же огромная честь. Если бы так поступил не он, так кто-то другой. Я не способен к коммерции, однако ваш дядя распознал во мне талант к вычислениям. Я нахожусь именно там, где должен, и ежевечерне благодарю Господа за его мудрость.

На невзрачном лице Воса не читалось ни уязвленной гордости, ни подавляемого возмущения. Похоже, он и впрямь испытывал благодарность за то, что его разорили и добавили в коллекцию трофеев.

Вос достал из кармана маленький лимон, вдавил худощавые пальцы в кожуру, разминая цедру. Наемник какое-то время смотрел на него, потом спросил, надеясь застать собеседника врасплох:

– Знаете, почему Сэмми Пипса арестовали?

Вос напрягся:

– Нет.

– Да знаете, – возразил Арент. – Все так серьезно, как говорит дядя?

– Да. – Вос вгрызся в лимон; глаза у него заслезились.

Слово застопорило разговор, будто тяжелый валун, закрывший вход в пещеру.

Трап на нижнюю палубу выходил как раз к койке Арента. Снизу доносился гомон.

Арент спустился в темноту, чувствуя себя так, будто его

проглотили заживо.

Низкий потолок поддерживали широкие балки, похожие на ребра. Вдоль выгнутых стен стояли шесть пушек, а пространство посредине занимал кабестан с четырьмя длинными рукоятями для подъема якорей.

Здесь царила изнуряющая духота, пассажиры искали, где бы устроиться на ночлег. Арент прикинул, что их около пятидесяти человек. Опытные путешественники уже подвешивали койки между бойницами, где, по крайней мере, будет свежий воздух, а остальным придется довольствоваться тюфяками на полу, и ночью по ним будут сновать крысы.

Вокруг закипали ссоры, хворые пассажиры кашляли, сипели, плевались, блевали и жаловались на свои спальные места. Зандер Керш и его воспитанница Изабель сочувственно их выслушивали и давали нуждающимся благословение.

– Пороховой погреб там. – Вос кивнул на корму.

Не прошли они и трех шагов, как их окружили пассажиры и принялись наперебой жаловаться. Один хотел ткнуть Арента пальцем в грудь, но дотянулся только до Воса.

– Я продал все, чтобы заплатить за эту... постель? – Он с отвращением указал на койку. – Тут не хватит места даже пожитки сложить.

– Занятно, – произнес Вос, брезгливо убирая от себя его палец, словно комок грязи. – Но не я решаю, где вам спать. Я и себе место не выбирал... – Он осекся и заворуженно уставился куда-то вперед.

Арент проследил за его взглядом и увидел двух русоволо-
сых лопоухих мальчуганов, которые носились друг за другом
по палубе. На них были одинаковые желтые чулки, коричне-
вые бриджи, наглаженные рубашки и короткие плащи.

Так одевала своих отпрысков знать. Наряд слишком вы-
делялся на фоне потертых башмаков и поношенной одежды
других пассажиров. Одни перламутровые пуговицы на нем
стоили дороже, чем каюта для целой семьи.

– Мальчики! – прокричал Вос. – Уверен, ваша маменька
не знает, где вы, и уверен, ей это не понравится. Бегите на-
верх в каюту.

Мальчишки остановились как вкопанные и недовольно
что-то пробубнили, но поплелись наверх, как было велено.

– Это сыновья Кресси Йенс, – пояснил Вос.

Он произнес имя с благоговением и стал похож на обыч-
ного человека из плоти и крови, а то Аренту уже начинало
казаться, что у Воса вместо сердца скомканные листы кон-
торской книги.

Из толпы пассажиров выступила плачущая женщина и по-
тянула Арента за рукав.

– У меня двое детей, а тут ни света, ни воздуха, – жалобно
сказала она, всхлипывая в носовой платок. – Как они вытер-
пят здесь восемь месяцев?

– Я поговорю с...

Вос отпихнул ее руку, заслужив недовольный взгляд
Арента, и важно сказал:

– У лейтенанта Хейса не больше полномочий, чем у меня. Мы такие же пассажиры, как и вы. Обратитесь к помощнику капитана или к мастеру-негоцианту.

– Я хочу говорить с капитаном, – потребовал все тот же разгневанный пассажир, отталкивая женщину.

– Уверен, он с удовольствием вас выслушает, – с притворной любезностью сказал Вос. – Попробуйте докричаться до него.

Не задерживаясь более, он направился к пороховому погребу и властно постучал в дверь. Изнутри слышались тяжелые шаги, зарешеченное окошко в двери открылось, в нем показались настороженные голубые глаза под белыми кустистыми бровями.

– Кто тут? – прохрипел старческий голос.

– Гофмейстер Вос, по поручению генерал-губернатора Яна Хаана. Это Арент Хейс, спутник Сэмюэля Пипса. – Он поднес к окошку железный жетон, который Кроуэлс дал Аренту в кают-компании. – У нас разрешение капитана.

Дверь со скрипом распахнулась, за ней показался однорукий старик, согбенный, словно перетянутый лук. Из одежды на нем были только парусиновые штаны до колен. На шее висел амулет – кудрявый русский локон, а волосы самого старика походили на ореол искр вокруг разворошенного пепелища.

– Входите, коли так. – Он махнул, приглашая их войти. – Только засов задвиньте.

Пороховой погреб оказался помещением без окон, со сте-

нами, обитыми листовой жестию и заставленными полками с десятками маленьких бочонков пороха. Под койкой в углу стояло поганое ведро, по счастью пустое.

Над головой Арента со скрипом поворачивалась широкая деревянная балка.

– Соединяет румпель с пером руля, – пояснил констебль. – К скрипу быстро привыкаешь.

В центре стоял огромный сундук с Причудой, который служил столом констеблю. Тот сел, сбросил с сундука игральные кости и взгромоздил на него ноги.

Он был босиком, как и все матросы.

Арент ошеломленно смотрел на сундук, не понимая, как можно столь небрежно обращаться с такой ценной вещью. Именно из-за Причуды их вызвали в Батавию несколько месяцев назад. Только горстка людей знала, что это такое, даже Сэмми не входил в их число. Ее тайком смастерили, тайком испытали, тайком украли и тайком же нашли. За час после обнаружения Сэмми с Арентом осмотрели ее вдоль и поперек.

И все равно не поняли ее назначения.

Причуда состояла из трех соединенных друг с другом частей. Медный глобус покоился в деревянном круге, окруженный кольцами со звездами, луной и солнцем. Стоило наклонить Причуду, как шестерни начинали крутиться и конструкция приходила в движение, но от взгляда даже на один крутящийся элемент начинала болеть голова.

Какой бы цели ни служил этот предмет, он был настолько важен для Совета семнадцати, что на его поиски Компания отправила своего самого ценного агента, прекрасно осознавая, что путешествие из Амстердама может оказаться для него губительным.

К счастью, Сэмми не только выжил, но и успешно выполнил задание, обнаружив четырех португальских шпионов. Аренту было велено доставить их к генерал-губернатору, но двое покончили с собой, а двоим удалось скрыться.

Арент до сих пор стыдился провала.

– Что привело знатных господ в задницу корабля? – спросил констебль, кладя в рот кусок вяленой рыбы. Во рту у него не было ни единого зуба.

– Кто-нибудь интересовался, как поджечь погреб? – напрямую спросил Арент, не придумав, как подобраться к вопросу.

Лицо старика недоуменно сморщилось и стало похожим на выжатый апельсин.

– А с чего кому-то его поджигать?

– Один человек угрожал погубить корабль.

– Я?

– Нет... – Арент замялся, понимая, как нелепо прозвучит то, что он сейчас скажет. – Прокаженный.

– Прокаженный, – повторил констебль и посмотрел на Воса, ожидая, подтвердит ли тот эту нелепицу.

Гофмейстер откусил кусочек лимона и ничего не сказал.

– По-вашему, прокаженный заставил меня вступить с ним в сговор, чтобы потопить корабль и потонуть вместе с ним? – Констебль зачавкал рыбой. – Дайте-ка подумать. У меня тут столько прокаженных бродит, даже не знаю, с кого начать.

Арент с досадой топнул.

Расследование не было его коньком, и он чувствовал себя неуверенно. Такое уже было. Сэмми показалось, что он усмотрел в Аренте задатки к сыскной работе и возможность отойти от дел. Какое-то время он наставлял его, а потом поручил вести дело. Все шло неплохо, пока по указке Арента чуть не вздернули невинного. Ошибка обнаружилась только благодаря тому, что Сэмми на подольше расстался с бутылкой, изучил факты и обнаружил то, что упустил Арент.

До того случая Арент был чересчур уверен в себе. Он восхищался способностями Сэмми, но считал их чем-то, чему можно обучиться, как верховой езде.

Как же он был не прав!

Тому, что делал Сэмми, нельзя было научиться или научить. Это был уникальный дар.

Видя, что Арент смутился, Вос сжалился над ним и обратился к констебля суровый взгляд.

– Арент Хейс находится здесь по поручению самого генерал-губернатора, – сказал он. – Отвечать обстоятельно и с почтением, иначе тебя высекут. Понял?

Старик поблел.

– П-простите, господин, – проговорил он. – Не хотел ни-

кого обидеть.

– Отвечай на вопрос.

– Никаких прокаженных не было. И заговоров тоже. Если бы мне вздумалось порешить себя, я б напоследок предался блуду и пьянству, как вон те негодяи. – Он кивнул на зарешеченную дверь. – Но я этого делать не собираюсь: мне надобно сберечь деньги и вернуться к семье. Меня много что дома ждет.

Аренд не обладал способностями Сэмми, но знал, когда ему лгут. Его всю жизнь пытались обмануть: то уговаривали облапошить деда, то убеждали, что не замышляют против него зла. На морщинистом лице старого матроса читались надежда и беспокойство, но не ложь.

– Кто еще сюда заходит? – спросил Аренд.

– Да обычно никто, но если дали команду «К бою!», то все. За порохом для пушек. А ключ есть только у меня, у капитана Кроуэлса и у старшего помощника, – сказал констебль, шевеля пальцами ног.

– А плотника по имени Боси знаешь? С покалеченной ногой. Он мог замышлять что-нибудь против «Саардама»?

– Не могу сказать, что знаю. Я ведь недавно тут. В Батавии меня в команду взяли. – Констебль продолжал жевать рыбу, заливая подбородок слюной. – Думаете, кто-то хочет потопить корабль?

– Ну да.

– Тогда не там ищите, – сказал констебль. – Тут по обе

стороны хлеб, а вокруг жечь.

– Не понимаю...

– По обе стороны за стенками погреба – мешки с зерном, – пояснил констебль. – Даже если порох воспламенится, жечь и зерно сдержат взрыв. Пробоины не будет. Пожар на корабле – это, конечно, ничего хорошего, но мы успеем его потушить. Потому корабли так и строят.

– А если я задам этот же вопрос Кроуэлсу? – строго спросил Вос.

– Он то же самое скажет, – ответил констебль.

– А есть способ наверняка потопить «Саардам»? – пробормотал Арент.

– Да, и не один. – Констебль потрепал грязный амулет у себя на шее. – По нам может дать залп другой корабль. – Он задумался. – А пираты, шторма или оспа добьют. Такое частенько случается, или же... – В его взгляде появилось беспокойство.

– Или же что? – переспросил Вос.

– Ну, это что бы я сделал, но я и не собирался, так, просто болтовня. – Констебль посмотрел на собеседников, желая убедиться, что ему верят.

– Ну, говори! – потребовал Вос.

– Устранил бы капитана.

– Кроуэлса? – удивился Арент.

Старик принялся ковырять трещину в крышке сундука.

– Что тебе о нем известно?

– Только то, что он одевается, как при дворе, и ненавидит мастера-негоцианта, – ответил Вос.

Констебль весело хлопнул по колену, но тут же посерьезнел, сообразив, что никто и не собирался шутить.

– Ваша правда, только капитан Кроуэлс – лучший моряк на всем флоте, и это знают все, в том числе и этот сукин сын, мастер-негоциант Рейньер ван Схотен. Да Кроуэлс и на лодчонке бы доставил товар в Амстердам. – В голосе констебля послышалось благоговение. – Компания платит мало, потому-то команда «Саардама» составлена из отребья, убийц и воров.

– А ты кто? – спросил Вос.

– Вор. – Констебль постучал по культе. – Бывший. Но важно другое: каждый из этих мерзавцев уважает капитана Кроуэлса. Они будут ворчать, плести интриги, но против него никогда не пойдут. Он вспыльчивый, но справедливый, плетей почему зря не раздает, и мы знаем, что он доставит нас домой, поэтому здесь самая последняя скотина подставляет шею под ярмо.

– А что бы случилось без капитана? – спросил Арент. – Справился бы старший помощник с командой?

– Карлик-то? – презрительно фыркнул констебль. – Вряд ли. Если умрет капитан, эта посуда вспыхнет, уж поверьте.

Сара и Лия стояли на корме и смотрели, как удаляется Батавия. Сара ожидала, что она будет исчезать постепенно, как смывается с ткани пятно. Но и печные трубы, и крыши домов скрылись из виду в мгновение ока, не оставив времени на прощание.

– Мама, а Франция какая? – спросила Лия уже, наверное, в сотый раз на этой неделе.

Сара видела тревогу в глазах дочери. Батавия была единственным знакомым ей местом, пусть ей и редко дозволялось выходить за стены форта. Малышкой она часами играла в лабиринт Минотавра, представляя, что скрывается от чудовища, на роль которого прекрасно подходил ее отец.

Теперь же, после тринадцати лет жизни в каменных стенах и под охраной, ее увозили в далекие края, где она начнет совершенно новую жизнь в огромном особняке с садом.

Бедняжка уже несколько недель плохо спала.

– Я не очень хорошо знаю Францию, – ответила Сара. – Я была очень молода, когда побывала там в последний раз, но помню изысканную кухню и прекрасную музыку.

На лице Лии расцвела мечтательная улыбка. Она любила и то и другое.

– Французы – талантливые изобретатели, ученые и врачи, – продолжала Сара. – И строят настоящие чудеса –

соборы до небес.

Лия положила голову на плечо матери, темные волосы волной заструились по руке.

Над ними скрипнул высокий столб с фонарем, на ветру заполоскался кормовой флаг. В хлеву кудахтали куры и хрюкали свиньи, возмущенные тем, что пол качается.

– Я им понравлюсь? – жалобно произнесла Лия.

– Да они тебя полюбят! – воскликнула Сара. – Поэтому мы все это и затеяли. Не хочу, чтобы ты боялась быть самой собой. И скрывала свой талант.

Лия крепко прижалась к ней и, наверное, собиралась задать следующий из своих многочисленных вопросов, но тут к ним по трапу взбежала Кресси; ее светлые волосы развевались на ветру. Она сменила домашнее платье на наряд с высоким воротником и рукавами, перехваченными красными лентами, надела широкополую шляпу с перьями, а туфельки держала в руке. Лоб покрывала испарина.

– Вот вы где, – произнесла Кресси, запыхавшись. – Я вас повсюду ищу.

– Что случилось? – забеспокоилась Сара.

Кресси прибыла в Батавию два года назад по велению генерал-губернатора и, словно солнышко, осветила их скучную жизнь. Прирожденная кокетка и талантливая рассказчица, она развлекала их историями чуть ли не каждый день. Сара не помнила, чтобы Кресси была не в духе или тревожилась о чем-то. Ее естественным состоянием была нега, и ря-

дом всегда находился поклонник, который пробуждал в ней это чувство.

– Я знаю, что за опасность грозит кораблю, – выпалила Кресси, все еще пытаясь отдышаться. – Знаю, кому служил Боси.

– Что? Но как?! – воскликнула Сара, не в силах удержаться от вопросов.

Кресси обессиленно оперлась на поручни. Сквозь квадратные окна прямо под ними было слышно, как Кроуэлс до сих пор пререкается с ван Схотеном из-за каюты.

– Я ведь рассказывала тебе о Пьетере Флетчере, моем втором муже? – спросила Кресси.

– Только то, что он – отец Маркуса и Осберта, – нетерпеливо отозвалась Сара. – И что он знал моего мужа.

– Пьетер был охотником за ведьмами. – Кресси произнесла имя мужа с явным усилием. – Тридцать лет назад, задолго до того, как мы поженились, он приехал в Голландию из Англии, исследуя символ, который распространялся по поместьям знатных семейств, как чума.

– Такой, как тот, что появился утром на парусе? – спросила Лия.

– В точности. – Кресси озабоченно поглядела на раздувающееся белое полотнище. – Пьетер тогда изгнал бесов из сотен прокаженных и ведьм, и все они рассказывали одну и ту же историю. Что в самый жуткий в жизни час, когда они теряли надежду, ночью им слышался странный шепот. Некто,

называющий себя Старым Томом, предлагал им исполнить самое заветное желание в обмен на услугу.

– Какую? – спросила Сара, не в силах скрыть волнение.

Такое же чувство возникало у нее всякий раз, когда в Батавию привозили очередные заметки о расследованиях Пипса. Сара и Лия разыгрывали их в лицах и старались самостоятельно разрешить загадку. Чаще всего Сара оказывалась права во всем, кроме мотива преступления. Не зная ни ревности, ни отвергнутой страсти, она не могла понять, как эти чувства могут толкнуть человека на преступление, тем более на убийство.

– Муж не рассказывал мне подробностей о своей работе. Считал, что они не предназначены для женских ушей.

– Разумно, – сказал Вос, поднимаясь по трапу. – Мой господин требует вас к себе сей же час, госпожа Йенс.

Кресси недовольно посмотрела на него.

Позади Воса возвышался Арент. Он слегка кивнул Саре. Что-то изменилось в нем с тех пор, как она видела его в порту. Он ступал медленно и тяжело, будто нес на плечах какую-то тяжесть.

– погоди, Кресси, – сказала Сара. – Ты знакома с лейтенантом Хейсом? Он помогал мне с прокаженным в порту.

– С Арентом, – пророкотал Арент, улыбаясь Саре.

Она невольно улыбнулась в ответ.

Кресси посмотрела на Арента сияющим взглядом и кокетливо ответила:

– Нет, но надеюсь познакомиться. Слухи о вашей комплекции вовсе не преувеличение. Бог будто бы увлекся, когда создавал вас.

– Соблазнишь его позже, Кресси, – мягко поддразнила ее Сара и обратилась к Аренту: – Очевидно, метка на парусе принадлежит демону по имени Старый Том.

Выражение лица Арента изменилось.

– Вам знакомо это имя? – спросила Сара, наклонив голову набок.

– Слышал от генерал-губернатора.

– Один юноша рассказал мне сегодня, что прокаженного звали Боси и он был плотником на «Саардаме», – продолжала Сара. – Незадолго до смерти он хвалился, что ему попалось выгодное дельце, надо, мол, только услужить одному господину.

Кресси с грустью покачала головой:

– О чем бы ни договорился этот Боси со Старым Томом, он обрек себя на страдания. – Она вытерла соленые морские брызги с лица. – Если вступаешь в сговор со Старым Томом, становишься его рабом. И не видать тебе свободы. Он кормится человеческими страданиями и мучает тех, кто отказывается ему служить. Даже Пьетер, который обладал незаурядным мужеством, не мог спокойно говорить о злодеяниях, свидетелем которых был.

Саре подумалось, что, если Старый Том ищет тех, кого обидела жизнь, здесь таких не перечесть. На корабле каждо-

му было на что пожаловаться. Каждый чувствовал себя обделенным и желал того, что есть у других. И готов был пойти на многое ради лучшей жизни.

А на что готова пойти она сама?

— На «Саардаме» так много горя, — проговорил Арент, буд-то вторя ее мыслям. — Ваш муж говорил, кто такой этот Старый Том?

— Какой-то демон, но сам он с ним не сталкивался, пока не... — Кресси запнулась; глаза ее наполнились слезами. — Четыре года назад Пьетер прибежал домой в панике. Мы жили в Амстердаме, в огромном доме с кучей слуг. Он заставил нас сесть в карету и уехать в Лилль без всяких объяснений. Мы даже вещи не успели с собой взять...

— В Лилль? — пораженно переспросил Арент.

— Да. Вы что-то знаете об этом? — спросила Кресси, пытаюсь понять, что его так удивило.

— Нет... я... — Арент покачал головой. Выражение лица у него было такое, будто он только что увидел в окне призрака. — Мы расследовали там одно дело, очень неприятное. Вспоминать не хочется. Простите, что прервал ваш рассказ.

Сара помнила наизусть все расследования Пипса, и ни в одном из них не упоминался Лилль. Но у нее было слишком много забот, чтобы пытаться узнать, что это за неудачное расследование и почему Аренту стало не по себе.

— Муж сказал тогда, что его нашел Старый Том и нам надо бежать, — продолжала Кресси с болью в голосе. — Я умоляла

его объяснить, в чем дело, но он больше не сказал ни слова. Через три недели путешествия мы прибыли в новый дом, а через два дня Пьетер погиб. – Она сглотнула. – Старый Том пытал его и оставил метку на стене, чтобы все знали, чьих это рук дело.

Сара сжала руку Кресси:

– Повторишь все это моему мужу? Может, это убедит его вернуться в Батавию.

– Не убедит, – сказал Арент. – Генерал-губернатор знает, что означает метка. Он просил меня заняться этим делом и не отдаст приказ менять курс корабля.

– Чертов упрямец! – воскликнула Сара и тут же с беспокойством поглядела на Лию.

– Вам не подобает говорить о супруге в таком тоне, – упрекнул ее Вос, за что удостоился гневного взгляда Кресси.

Гофмейстер заломил руки и, чтобы скрыть смущение, поспешно проговорил:

– Раз мы имеем дело с дьяволом, могу ли я предложить обратиться к священнику? Он более сведущ в таких вопросах.

– Вы верите в демонов, Вос? – удивилась Лия. – Вот уж не подумала бы. Вы такой...

– Бесстрастный? – подсказала Кресси.

– Рассудительный, – пояснила Лия.

– Я видел их своими глазами, – сказал Вос. – Они осаждали мою деревню, когда я был мальчиком. Только несколько

домов уцелели.

– Я поговорю со священником, если хотите, – сказала Сара, обращаясь к Аренту. – Мне в любом случае надо договориться об исповеди.

– Да, это было бы кстати, благодарю, – ответил Арент. – Я поспрашиваю про Боси. Если он и впрямь служил Старому Тому, его приятели могут знать, как они познакомились.

– У меня есть кое-какие сведения, которые могут оказаться полезными.

Сара рассказала Аренту все, что узнала утром о плотнике, в том числе и его последние слова перед тем, как ему отрезали язык.

– Лаксагарр? – задумчиво переспросил Арент. – Я говорю на нескольких языках, но никогда не слышал этого слова.

– Я тоже. – Сара схватила за поручень, когда корабль взмыл на волне. – Юноша, с которым я разговаривала, считает, что это норнское слово, а единственный, кто говорит здесь на норне, – боцман Йоханнес Вик. Это он отрезал Боси язык, так что вряд ли ему понравятся наши расспросы.

– Не понравятся, – подтвердил Арент. – Я уже с ним беседовал.

– Я велела Доротее поспрашивать пассажиров на нижней палубе. Вдруг кто-нибудь из них нам поможет.

Арент восхищенно посмотрел на Сару. Ответом ему была смущенная полуулыбка.

– Если Старый Том кормится людскими страданиями, за-

чем ему было покидать Батавию? – произнес Вос невыразительным тоном. – В городе тысячи страдальцев, а на борту «Саардама» всего несколько сотен. Зачем менять пиршество на легкую закуску?

– Он явился за мной. – Голос Кресси дрогнул. – Разве вы не понимаете? Пьетер освободил его приспешников и изгнал из Республики. В отместку Старый Том его зарезал, но я сбежала до того, как он успел расправиться со всей семьей. Я постоянно переезжала, чтобы он никогда нас не нашел, но думала, что здесь, в далеких краях, мы будем в безопасности. Я потеряла бдительность, а теперь он пришел за моей семьей. – Она в отчаянии посмотрела на Сару. – Он явился за мной.

День клонился к вечеру. На шкафуте матросы пели, плясали и играли на виолах, прислушиваясь к резким окрикам, время от времени раздававшимся со шканцев, а те, кто сидел на снастях, хохотали над скабрёзными шутками и дразнили тех, кто находился внизу. Стоял такой галдеж, что резко наступившая тишина показалась громоподобной.

Арент шагал мимо грот-мачты.

Капитан Кроуэлс на шканцах тихо чертыхнулся и уже собирался прокричать предупреждение, но тут же понял, что толку не будет. Даже недолгого знакомства с Арентом Хейсом хватало, чтобы понять, что он всегда идет туда, куда пожелает.

Матросы побросали работу и уставились на наемника. Во время плавания вся передняя часть корабля до грот-мачты принадлежала им. С пассажирами, отважившимися зайти на эту половину, могли сделать все что угодно. Так было всегда, но Арента это, похоже, нисколько не волновало. Пока что никто не сдвинулся с места. Несколько матросов покосились на проходящего, прикидывая, нельзя ли его обокрасть или припугнуть, но, струсив при виде могучей фигуры, вернулись к своим делам, и Арент спокойно поднялся на бак⁶.

---

⁶ Бак — надстройка в носовой части палубы.

Паруса фок-мачты создавали вокруг тень. Резной позолоченный лев на носу корабля, казалось, перепрыгивает с волны на волну.

Огненное закатное солнце слепило глаза и заливало алым пламенем белые паруса соседних кораблей.

Арент заморгал, по улюлюканью и смачным звукам ударов догадываясь, что рядом идет кулачный бой. Сквозь толпу моряков и солдат он разглядел соперников, которые, покрытые синяками и кровоточащими ссадинами, устало и беспорядочно наносили друг другу удары. Чаще всего промахивались. Проиграет тот, кто первый рухнет в изнеможении.

Арент поискал взглядом Исаака Ларма.

Старший помощник сидел неподалеку на поручне, лицом к носу корабля, и, болтая коротенькими ножками, остругивал ножом деревяшку. Иногда он поглядывал на дерущихся и осуждающе усмехался с видом бывалого кулачного бойца.

Не успел Арент сделать двух шагов, как Ларм покачал головой и, не отрываясь от своего занятия, предупредил:

– Сгинь.

– Капитан сказал, что тебе знаком плотник по имени Боси. С кем он водил дружбу? Чем занимался до того, как наняться на корабль?

– Сгинь, – повторил Ларм.

– Тебя передернуло, когда я упомянул Боси в кают-компании. Ты что-то знаешь.

– Сгинь.

– «Саардам» в опасности.

– Сгинь. Сейчас же.

Вокруг поднялся смех. Бой прервался, и теперь все смотрели на них.

Аренд сжал кулаки, сердце забилося, как заяц в силках. Он с детства ненавидел быть в центре внимания. Почти всегда опускал плечи и сутулился, но все равно был слишком велик, чтобы оставаться незамеченным. Поэтому ему так нравилось работать с Сэмми. В присутствии «воробья» никому не было дела до других.

– Я говорю с вами как представитель генерал-губернатора, – зашел Аренд с другой стороны, ненавидя себя за то, что ссылается на дядю.

– А я – как человек, который не дает этому отребью перерезать тебе глотку в темноте, – зловеще осклабился Ларм.

Матросы заулюлюкали. Перепалка заинтересовала их гораздо больше, чем кулачный бой.

– Мы думаем, что у Боси был хозяин, Старый Том, который пытается погубить корабль.

– И по-вашему, для этого нужен хитроумный план? – отрезал карлик. – Самый верный способ потопить галеон – оставить его в покое. Если не шторм – так пираты, а не пираты – так хворь. Корабль обречен, с прокаженным или без него.

Матросы одобрительно забормотали; руки невольно потянулись к амулетам. Каждый соответствовал характеру свое-

го владельца. Тут были и обгорелая фигурка, и причудливый узел, локон, покрытый запекшейся кровью, пузырек с темной жидкостью, расплавленная железка и кусок разноцветной слюды с опаленными краями.

Амулет Ларма тоже был странным. Вырезанная из дерева половинка ухмыляющейся физиономии.

– Будешь отвечать на мои вопросы? – бросил Аренд.

– Нет.

– Почему?

– Потому что не обязан, – буркнул Ларм, резко снял стружку с деревяшки и выбросил в море. Потом дождался, когда смешки утихнут, и махнул ножом в сторону окровавленных бойцов. – Выходи драться.

– Что?

– Дерись, – повторил Ларм в ответ на недоуменный ропот собравшихся. – Мы так споры решаем; если повезет, еще и подзаработаешь.

Матросы переглядывались в поисках глупца, который захочет сразиться с этим великаном. Кто-то произнес имя Йоханнеса Вика, и в толпе одобрительно зашептались.

– Я не дерусь на потеху, – сказал Аренд. И честно добавил: – Больше не дерусь.

Ларм стряхнул с ножа стружки.

– Они за деньги дерутся. Это нам потеха.

– И за деньги не дерусь.

– Тогда ты зря забрел на эту половину.

Арент беспомощно уставился на него. Он не мог придумать, что еще сказать. Сэмми бы заметил что-нибудь или вспомнил какой-нибудь важный факт. Подобрал бы ключик к этому человеку. Арент же мог только стоять с глупым видом. Он сделал последнюю попытку:

– Если не хочешь отвечать на вопросы, скажи хотя бы, как разговаривать боцмана.

Ларм снова рассмеялся. Зловеще.

– Накорми повкуснее и шепни что-нибудь ласковое на ушко, – ухмыльнулся он. – А теперь сгинь, а мы закончим бой.

Аренту ничего не оставалось, кроме как повернуться и уйти под гогот матросов.

Сумерки украсили небо лиловыми и розовыми лентами, то тут, то там вспыхивали точки звезд. Земли не было видно. Вокруг простиралось море.

Капитан Кроуэлс приказал убрать паруса и бросить якоря. Закончился первый день плавания. Генерал-губернатор пожелал узнать, почему нельзя плыть ночью, ведь многие капитаны преодолевают немалое расстояние при лунном свете.

– Разве вы менее умелый мореход? – спросил он, пытаясь уязвить Кроуэлса.

– Что проку в умении, если не видишь, кто или что пытается тебя потопить, – спокойно ответил Кроуэлс. – Назовите мне имена капитанов, которые плывут ночью, и я скажу, как они потопили свои корабли и потеряли груз.

Эти слова положили конец спору, и теперь Кроуэлс слушал, как Ларм отбивает восемь склянок, объявляя смену вахтенных.

Кроуэлс любил этот вечерний час. Обязанности по отношению к команде закончились, а по отношению к этой чертовой знати еще не начались. Это время принадлежало только ему. Один предзакатный час, чтобы насладиться морским воздухом, ощущением соленых брызг на коже и той жизнью, что он вынужден вести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.